

Лев Кислюк

Укрощение зверя

Лев Рафаэлевич Кислюк

Укрощение зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074179

ISBN 9785448342455

Аннотация

Свирепый завоеватель, властитель половины мира Тимур бин Тарагай Барлас, по прозвищу Железный Хромец, решил завоевать Московское княжество. Но, внезапно, ушел от города и увел своё огромное войско. Почему?

Содержание

1	5
2	20
3	35
4	42
5	55
6	61
7	75
8	96
9	101
10	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Укрощение зверя

Лев Рафаэлевич Кислюк

Нетъ срам умрети, но срам зле жити.

(Умереть не позорно, позорно жить дурно.

Менандр Мудрый IV – III вв. до н. э.)

© Лев Рафаэлевич Кислюк, 2016

ISBN 978-5-4483-4245-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Казачи-пограничники в боевом дозоре

1

Кому ялось – тому терпеть

(Кого схватили – тому терпеть. Псковская поговорка. XVI век.)

Они ехали спокойно, не таясь, открыто. Так могли следовать только послы сильного кагана или князя. Весело переговаривались между собой на понятном казарам, тюркском наречии, но на сто слов, десять были незнакомы казарам-пограничникам, лежащим в засаде. Муса пригляделся, и никаких признаков посольских полномочий не заметил. Не было белой монгольской тамги на древке хотя бы одного копья, не было большой пайцзы на груди хотя бы одного воина, не было даже германского белого штандарта. Значит это, либо банда степных коршунов, не брезгающих никакой добычей, либо что-то новое появилось в степи.

Всадников было десять, стандартный десяток, предписанный Яссой Потрясателя Вселенной Чингисхана¹, и остальное было вроде, все как положено: шлемы надеты, кольчуги на плечах, сабли в ножнах на широких перевязях, за спиной тугие луки и колчаны, полные стрел. С левой стороны к сед-

---

¹ Ясса Чингизхана – свод законов созданный Чингизханом, туда входил и армейский устав, на основе которого были сделаны все уставы всех армий известного тогда цивилизованного мира

лам подвязаны короткие кавалерийские пики. Седла были похожи на монгольские, но не совсем, отличия были видны даже без внимательного рассмотрения. Сомнений нет, в степи появились новые люди. Они были уже близко, но засады не видели. Муса Гирей – опытный пограничник, уничтожил следы коней и людей загодя. Дальние разведчики ещё позавчера сообщили про этот непонятный отряд, и следовало срочно решить, как с ним поступить. Муса задумался.

Можно было на расстоянии, из самострелов, положить всех всадников, а лошадей и имущество забрать в станицу. Шлемы надеты, маленькие щиты переброшены со спины на грудь, значит не так уж они и беспечны эти пришельцы. Значит, только вид делают, что не чувят опасность, а на самом деле готовы к любому нападению. Может быть, за ними идет большой отряд, но разведчики проверили и это. Всё было чисто. Проще всего перебить их на расстоянии, а одного взять живым языком. Так и поступим.

Муса качнул небольшую березку четыре раза вправо и пять раз влево. Со стороны могла показаться, что это степной ветерок качает зеленую, кудрявую крону. В ответ послышался клекот сапсана и стрекот сороки. Всадники замолчали, прислушались и вгляделись в негустые заросли на берегу реки, но, не заметив ничего необычного, легко послали лошадей вперед. Гирей оглянулся, прямо за ним, в небольшом овраге лежал его конь Тулпар, гнедой жеребец, арабских кровей, попавший к нему ещё жеребенком. Лежал тихо,

так как научил его хозяин. Чужие, тем временем, проезжали между двух курганов. Как раз там, где сидели замаскированные стрелки Гирея. Муса представил себе, как нетерпеливо подрагивают их вспотевшие пальцы на курках самострелов.

Это оружие появилось у казар-пограничников недавно. Невесть как прибившийся к казарам, мастер из страны Хань, сделал один, мальчишкам для игры. Муса долго рассматривал игрушку, а потом отдал кузнецу и точно объяснил ему, что и как изменить. Из рук мастера вышел красавец-арбалет, способный пробить любой степной доспех. На коне с ним было неудобно управляться, но в засаде или на стене укрепленной крепости это было незаменимое оружие.

– У-у-у-у-р—р-р²!!!! – боевой клич вырвался у атамана Гирея сам, собой. Он вскочил на поднявшегося Тулпара, выхватил воронёную саблю и бросился на пришельцев. Пятеро из них уже падали, сраженные короткими арбалетными стрелами. Пятеро других, не сговариваясь, чувствовалась многолетняя выучка, сомкнулись, быстро отстегнули пики и ринулись на казарина. За спиной атамана Мусы появились, бросившие арбалеты, соратники. Четверо вытащили, из прикрытых до этой минуты дерном и травой, схронов, длинные копья, и выставили их вперед. Начищенные наконечники блеснули стальным частоколом, ударив солнечными зайчиками по глазам нападавших. Остальные уже заканчивали заряжать оружие для второго выстрела. Дзиининьг!!!! Ещё

---

² Ур! – Бей! (тюрк, узб.)

четыре стрелы вырвались из под тугой тетивы и застряли в телах всадников.

Удар стрел был настолько силен, что конники на всем скаку были сбиты с коней и с громким шумом упали на землю. Для этого применялись особые стрелы с закругленным наконечником, который ломал ребра, отбивал внутренности и вышибал из седла надежно, как кузнечной кувалдой.

Уцелевший удивленно озирался вокруг, даже не пытаясь оборониться от окружающих его врагов. Такая быстрая и жестокая расправа деморализовала волю воина, заставив прекратить всякое сопротивление. Бросив саблю и пику, он крикнул:

Тохта!!!! Тамом булады!³

Пока порубежники добивали пришельцев, тех, кто был ещё жив, уцелевшего воина крепко связали, глаза закрыли плотной повязкой и бросили поперек его же собственного седла. Такая судьба в степи ждала любого нежданного гостя.

Огромные пространства Дикой Степи покрытой океаном душистых трав, изрезанной глубокими оврагами, ручьями были четко разделены на сферы влияния разных родов и племен. Редко встречающиеся дубравы, заросли камыша на голубых озерах и реках, похожие на оазисы в пустынях, были превращены в пограничные посты и заставы.

Но на Оке, на Дону и на реках поменьше, крепко сидели остатки некогда могущественного, разбитого свирепым

---

³ Тохта! Тамом булады! – Стой!!!! Всё кончено!!!! (тюрк. узб.)

полянским князем Святославом, Хазарского Каганата. Государства уже много лет не было, но остались люди, потому, что они там жили всегда. Не стало Великого Кагана, и они перешли на службу к русским князьям, жили в постоянной опасности, охраняя границу Руси. Их, по привычке ещё называли хазарами или казарами, но часто уже казаками, это было легче произнести славянским устам. Кто-то из них исповедовал религию предков, кто-то древнюю славянскую веру, но большинство уже приняли православную, принесенную греками-миссионерами русскому народу и другим славянским племенам.

Тысячу лет существовал Хазарский Каганат, тысячу лет жили рядом славяне и хазары. Воевали друг с другом, иногда объединясь, нападали вместе на общего врага. В бою братались, женились, перенимали обычаи и языки, имена и клички. Жили рядом и служили в сопредельных армиях.

Самым известным хазарином на службе у русских князей был могучий Илия по прозвищу Муромец. Он долгое время служил Хазарским Каганам, но, то ли поссорился с кем-то из начальства, то ли разочаровался в политике Каганата, но перешел на службу к князю Владимиру Красное Солнышко. Очистил от преступников дороги Руси и организовал пограничные заставы для защиты её рубежей. Пытался даже наладить разведку и контрразведку на хазарский лад. «Бой выигрывается задолго до его начала с помощью грамотно подготовленных разведанных и продуманной страте-

гии» – говорил знаменитый богатырь.

Но Владимир был воспитанником викингов и считал главным в войне штурм и натиск, а в промежутках, между войнами обожал пиры. Он считал, что это сближает бойцов между собой, делает их командой.

Илия терпеть не мог пьяного пустословия, а неумеренное питание хмельного считал большим недостатком, поэтому ссорился с князем. Один раз даже угодил в темницу за прекословие. Но, дав присягу на мече, Владимира не предавал. Принял православие и был верен Руси до гроба.

Таким же, отчасти, был Муса Гирей – юзбаши⁴, сотник пограничной казарской стражи, на службе у Московского князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

– Атаман!

– Да! – Муса обернулся и увидел как два его бойца, высокий худой, немолодой, но очень опытный Ицхак и зеленый первогодка Сулеман выкатывают из оврага легкую тележку на двух огромных колесах.

– Подождите нас, мы быстро!

В отряде каждый воин четко знал свои обязанности. Исхак и Сулеман должны были зачистить территорию не оставив ничего подозрительного ни на земле, ни в зарослях, ни на камнях, ни у веселого родника, наполненного холодной

---

⁴ Юзбаши – сотник (тюрк) – далее, для более полного понимания, воинские звания, названия подразделений и действия личного состава будут даваться в современном понимании

хрустальной водой. Брошенное оружие аккуратно подобрано, трупы людей и животных вывезены и спрятаны, следы борьбы уничтожены. Всё делалось быстро и привычно. Сорок минут, и даже опытный глаз степняка не заметил бы изменений ни на дороге, ни в пахучих зарослях емшана-полыни.

Трава была поднята и стояла, весело сверкая на утреннем солнце. Теплые, похожие на морские, волны степного разнотравья медленно и спокойно перекатывались, как тысячи лет назад. Жаворонки начали петь свою нескончаемую песню, предвещая жару и зной. Корсак, степная лисица, пробежал, не боясь людей и принюхиваясь. Запах крови взволновал зверя и он пришел разузнать, не оставили ли люди и ему какой-нибудь поживы? Нет, сегодня, лисице не повезло. Люди все увезли с собой, даже костер на дальнем краю оврага был засыпан землей и заложен дерном – нет следов.

Проверив все, казары, в походном порядке, тронулись к станице. Следовало спешить, появление незнакомого народа в степи могло предвещать что угодно, только не хорошее.

Это только чужому для степи человеку степь кажется огромным ничьим пространством. Люди населяющую эту животворную землю четко знают и видят все границы и дороги. На Волге—Итиле хозяйничали болгарские и татарские хаканы, а также монгольские племена, на Верхней Волге – чувашаи, мордва, удмурты, или как их ещё называли – черемисы. На Каме, Оке, Дону, Кубани – везде есть хозяин!

Пограничным знаком может служить, что угодно и каждый степняк знает, вот эта каменная баба отделяет владения болгарского хана Кудрата от владений татарского хакана Каюма, а этот холм, не что иное, как наблюдательный пост на границе владений ногайцев и алан. И не дай тебе Тенгри или Эллохим, или Будда, совершенно не важно кому ты поклоняешься, преступить границу без разрешения хозяев – это верная смерть!

Но кое-что показалось Мусе Гирею наиболее странным. Отряд чужаков шел без разведки, без прикрытия и предупреждения. Неслыханное дело! Девятьсот двадцать лет назад Булгарская Орда решила перекочевать из Причерноморья, где хазары не давали им ни торговать, ни пасти стада, в центральную Европу. Тогда молодой болгарский хан Аспарух полгода советовался со жрецами Тенгри, изучал обстановку. Запасался подарками, беседовал со стариками о путях и колодцах. Но и тогда не удалось спасти всех людей и скот. Зато, обосновавшись с половиной улуса в ущельях Родопских гор, болгары быстро нашли общий язык с населяющими их славянскими племенами, отбили наступление Византии и, окружив страну сетью укрепленных крепостей, намертво утвердились в стране, которую называли Болгарией.

Гирею хотелось как можно скорее допросить пленника, но ..... старшие атаманы не простили бы такого самовольства.

Муса был молод, черная, коротко постриженная борода

украшала его лицо, оттеняя синие как лазурь глаза. Под черной бараньей шапкой с красным верхом пряталась длинная чуприна на бритой, наголо, голове. Это была воинская прическа хазарских воинов. Темный бешмет⁵ облегал его крепкие плечи, на кожаной перевязи была пристегнута широкая вороненая⁶ сабля в простых ножнах. Он терпеть не мог всякие украшения на оружии, оно нужно для боя, а не для похвальбы. С правой стороны, постукивал по бедру длинный, острый как бритва, нож-бебут⁷, не раз, выручавший его в трудных ситуациях. Широкие шаровары, из крепкой темной ткани, заправленные в сапоги из мягкой козлиной кожи, завершали наряд пограничного сотника. Лук, колчан со стрелами, пика и щит были подвязаны к седлу. Его бойцы были одеты почти так же, брали пример с атамана. Исхак, на правах старшего по возрасту, подъехал к атаману и заговорил с ним.

Муса, тебе не кажется, что все получилось как-то уж очень легко и просто?

Да, Исхак, кажется, но, чтобы понять, почему так получилось, нужно допросить пленника.

Допрашивать? Не стоит. Минг-баши⁸ Ибрахим будет

---

⁵ бешмет – короткий мужской кафтан типа черкески, но без газырей (карманов для пуль)

⁶ вороненая сабля – По хазарскому обычаю холодное оружие воронили, т.е. чернили. При ночном нападении оружие своим блеском не могло выдать хозяина

⁷ бебут – короткий изогнутый кинжал

⁸ минг-баши – командир тысячи бойцов

недоволен. Подумает, что ты покушаешься на его власть. Тебе это надо? Он и так злится на тебя . . . . . ты знаешь за что.

За Майю?

Ну! Конечно не за бабушку Кямпыр!

Майя, взрослая девушка и сама решает с кем ей быть! К тому же мы договорились с ней, что в месяце тишрей поженемся.

Будь осторожен, Муса, Ибрахим любит дочь, и есть ещё одна причина, ты её тоже знаешь.

Эй, Исхак, довольно пустых разговоров. Всё я знаю! Каждый мальчишка в нашей станице знает эту причину. У Майи есть дар, она может видеть будущее! Так говорят, ну и пусть болтают! Эй, все, быстро на коней и в лагерь! Исхак, будешь за старшего! В лагере всё разгрузить, добычу без меня не трогать, сам все осматрю. Пленного ко мне! Иссур, со мной, остальные рысью! Вперёд!!!

Восемь всадников окружили арбу⁹ и, надев кольчужные капюшоны, надвинули шлемы на лбы, опустили стрелки¹⁰ и быстро двинулись на запад. Муса послал Тулпара вперед, не забыв оглянуться. Друг его детства Иссур, взяв за повод заводную лошадь с привязанным к её седлу пленником, двинулся за ним. Ещё минута, и только легкая пыль, поднятая лошадьми, могла рассказать о схватке у пограничной за-

---

⁹ арба – двухколесная телега с огромными колесами

¹⁰ стрелка шлема – специальная металлическая пластина, закрывающая нос бойца

ставы. Кузнечики застрекотали, продолжая свою бесконечную песню, степные травы расправили стебли, легкая тучка появилась в дальнем краю неба. К вечеру пройдет дождь и окончательно смоем все следы происшедшего.

Если долго общаться с лошадьми, постепенно понимаешь, насколько они лучше вернее, честнее людей. Никто и никогда не слышал и не видел, что конь предал хозяина, особенно если тот вырастил, выхолил его. Тулпар был совсем маленьким жеребенком, когда встретился с будущим всадником, да и Муса ещё не был пограничным атаманом. Где-то на юге бывшей империи, бывшие лютые враги хазар, арабы привезли на продажу несколько жеребят, красивых как сама мечта, как сон о безупречном коне. Иногда казары получали от князя поручения, выполнять которые приходилось вдали от родных мест. Разные это были дела: проводить иностранного посла, отвезти подарки или письма какому-либо заморскому князю.

Так получилось, что Муса Гирей именно через это торжище возвращался на Родину после удачно выполненной миссии и зашел на рынок, просто из любопытства. Продавец в полосатом бурнусе и длинной, до пят, рубахе, которая называлась аба, но с широкой саблей на цветной перевязи, во весь голос расхваливал достоинства своего товара. Впрочем «товар» в похвале не нуждался. Тонкие щиколотки, маленькая голова на мощной шее, сухие длинные ноги уже говорили опытному лошаднику (а на рынке таких было

большинство) о замечательных боевых и скоростных качествах жеребят. Только два обстоятельства смущали Гирея, хватит ли у него денег на такую драгоценную покупку и сумеет ли он довести маленького Тулпара до родного городка. Но всё прошло удачно и через некоторое время у него, на зависть всей округе был прекрасно обьезженный боевой конь, который к тому же понимал его с полуслова.

В трех сшибках и одном сражении удалось уцелеть Мусе благодаря Тулпару. И теперь верный конь приближал его к родному городку, где он родился и вырос, где жили его родители. Где жила его любимая, чернокудрая Майя, дочь тысячника Ибрахима, самая красивая девушка в округе.

Издалека, ещё не увидев родного городища, он почувствовал запах созревших яблок и только потом появились сады, окружающие глинобитные дома с плоскими крышами, обнесенные высокими дувалами¹¹. К запаху садов примешался запах жареной баранины, и Муса явственно увидел в своем воображении, шипящее в казане мясо, заправленное кориандром, зра, и другими пряностями. Только теперь он почувствовал, насколько голоден. Три всадника внезапно появились с правой стороны, но, узнав пограничников, исчезли. Муса и Иссур вдохнули воздух родного города и заставили лошадей перейти на рысь. Им хотелось быстрее доставить пленного, увидеть родных и знакомых.

Пограничники проехали несколько рядов глинобитных

---

¹¹ дувал – глинобитный забор

домов и увидели высокий земляной вал, на верху которого, торчали заостренные и просмоленные колья. Вал был насыпан вокруг цитадели, сложенной из речного известняка. В шести местах в вал встроили каменные сторожевые башни. Все это сооружение производило впечатление мощной боевой крепости, ворота которой открывались только в случае осады, чтобы принять спасающихся жителей или, чтобы выпустить из своего чрева лихую, ощетинившуюся копьями и саблями конницу, следующую в очередной поход или набег. Начальником гарнизона был тысячник Ибрахим.

Должность эта была выборной, а власть непререкаемой и бесспорной, Ибрахим был опытным и жестоким с врагами, а с друзьями и союзниками осторожным и обязательным. За верную и беспорочную службу казары получали от русского князя пшеницу и рожь для еды, а также оружие. Всё остальное, необходимое для жизни, они должны были добывать себе сами. Городище Каракалам существовало уже триста лет. Ни один враг, кроме монголов не смог пройти рубеж, охраняемый казарами, да и монголы, наткнувшись на конный дозор соотечественников Ибрахима, постарались обойти его. Зачем зря терять людей? Казары были грозные, умелые воины, искушенные в военном деле и не являлись целью похода всадников Потрясателя Вселенной. А союзниками их хотел иметь каждый завоеватель. И монголы знали, что они были потомками хазар, империя которых существовала тысячу лет, а это было совсем непросто удержать территорию

от Волги до Кавказа и Крыма, в окружении таких хищных и воинственных соседей. Казары прекрасно знали местность и окружающий мир, правила ведения боя в любых условиях и любое время года. Умели маскироваться и вести разведку днём и ночью незаметно для врага.

Славяне веками были соседями хазар. А кого мы лучше всего знаем? Конечно соседей! Когда Хазарский каганат закончил своё существование, русские князья, потомки славянских и германских племен, сразу же постарались добром и оружием склонить бывших завоевателей к сотрудничеству. Они прекрасно знали, что если хазарин поклянется на сабле или кинжале, то он никогда не сможет нарушить такую клятву. Во время Куликовской битвы полководец Дмитрия Донского Боброк дал казарскому войску самое опасное задание: всадники в черных одеждах должны были расколоть левый фланг Мамая на две половины, врубиться намертво в генуэзскую пехоту, и дать возможность бронированным русским ратникам окружить и перебить этих опасных наемников. Когда от казар перестали приходиться гонцы, Боброк понял – их больше нет. Перед боем он заставил всех казар поголовно поклясться в верности Московскому государству на их черных, широких саблях. Это значило, что они могли покинуть поле боя только мертвыми или победителями. Если гонцов нет, значит, казары погибли все, но русские уже громили генуэзцев своими прямыми и острыми мечами.

Укрепленные города и крепости казары строить умели.

Раньше для этого нанимались китайские, персидские или греческие инженеры, которые воплощали эти очень дешёвые, но крайне эффективные проекты. Привыкшие к полукочевой жизни казары, не понимали каменных городов, обнесённых тяжёлыми стенами, и снабжённых окованными железом воротами. Крепости защищают не только стены, сколько люди. Поэтому крепости были небольшими, рассчитанными на кратковременную защиту. За время осады, весть о нападении должна была поднять все казарские воинские формирования в округе. Врага отражали и окончательно добивали в Диком поле, где казарская конница не имела себе равных.

Крепость Каракалам отвечала всем требованиям казарской тактики и стратегии. В цитадели находился штаб тысячника Ибрахима, туда должен был доставить пленного Муса Гирей.

2

Каков город – таков и норв. (Псковская поговорка. XVI век.)

Их уже ждали, вести летят быстрее боевых коней. Перед невысоким домом, сложенным из кирпича-сырца, стояло несколько рослых немолодых сотников и тысячник Ибрахим, высокий горбоносый, смуглый воин. Его одежда ничем не отличалась от одеяния простого всадника, казары презирали роскошь. И прическа была подстать остальным командирам, длинная, полуседая чуприна свешивалась с бритой головы до правого плеча. Из под густых черных бровей сверкали молодые голубые глаза, видевшие много схваток и сражений. Длинные седые усы придавали ему грозный вид древнего языческого бога войны, каменные изваяния которого, можно ещё и сейчас встретить в Дикой степи.

Еле живого от тряски на лошади в неудобном положении, пленного джигита стащили с седла и унесли в глубину дома, а запыленных, пропитанных своим и конским потом, Мусу и Исура повели в баню.

Общаясь со славянами, казары переняли у них и полюбили эту приятную и очень полезную штуку – баню. И сейчас смуглые сухопарые воины, лежа на бревенчатых полках небольшой баньки, построенной, как водится над рекой, чув-

ствовали, как медленно обволакивает их горячий душистый пар. И как усталость покидает их тренированные мышцы, а сухожилия становятся гибкими и упругими. В баню вошли две женщины с березовыми вениками. Это были вдовы воинов, погибших в боях и стычках на границе. Только вдовам разрешалось помогать мужчинам из другого рода, париться в бане.

Казары, как бывшие кочевники, не стеснялись обнаженного тела. В походе приходилось иногда жить вместе и спать вместе, тогда честь девушек охраняли строгие казарские обычаи. Нарушителя закона ждала жестокая казнь, мужчину покусившегося на честь девушки или женщины, без её согласия, живым зарывали в землю. Но всё же, как говорили славяне, береженного Бог бережёт. Вдовам, парившим Мусу и Иссура, было по двадцать два года, в станице редкий мужчина доживал до сорока лет, а жены их, как правило, были моложе.

Опытные парильщицы, вениками прошлись по мускулистым телам воинов, вверх-вниз, вверх-вниз. Горячий пар, казалось, проникает в каждую пору усталого тела! Равномерно взмахивая вениками, женщины выбивали у пограничников не только усталость, но и лишние мысли и воспоминания. Плохое уходило в далекие дали, молодое сильное тело опять было готово к новым походам, засадам и боям. Муса почувствовал, как твердые женские пальцы начали мягко разминать его окаменевшие мышцы спины, бедер, ног. По команде

перевернулся на спину, и наступила очередь массажа передних мышц бедра, грудных и брюшного пресса. Он на минуту приоткрыл глаза и увидел над собой обнаженный женский торс с молодым лицом и убранными назад волосами. Кожа девушки блестела, грудь качалась в такт её движений. Муса закрыл глаза и спросил

Как тебя зовут?

Меня? Дилайла, а моего мужа звали Ури из рода Иехуда. Ты знал его. Он погиб в прошлом году, в бою с булгарами.

Дилайла означает «ночь» – очень красивое имя и сама ты красивая. Прости, но во сне я вижу только...

Я знаю! Вся станица знает, что ты любишь Майю, красавицу Майю, Майю – провидицу. Она хорошая, добрая, но у таких девушек судьба, чаще всего, несчастливая. Если ты сумеешь защитить её от недоброжелателей тогда.....

Я знаю её с детства, но никогда не видел и не слышал, чтобы она предсказывала кому-то будущее. И сама она мне этого не говорила. Мне кажется это все сплетни.

А вот и нет! – Дилайла даже перестала массировать Мусу от возмущения. -Когда она была маленькая, пять-шесть лет, не больше, этот талант проснулся в ней. Она прибежала к матери и закричала, что отца ранили, и он лежит в туга-ях у реки. Точно описала место и путь, по которому наши всадники поскакали и нашли Ибрахима со стрелой в спине. Если бы не она – отец бы погиб!

Я слышал эту историю, но сама Майя говорит, что она тут

ни причём. Мол, воины сами нашли тысячника в камышах, а все остальное придумал какой-то фантазёр.

Ну, может быть..... А ещё она может читать мысли людей.

Это как?

Говорят, что солгать ей невозможно! Она смотрит в лицо человека и определяет, лжет он или нет.

Это, пожалуй, многие могут. Тут нужен большой жизненный опыт и наблюдательность.

Ну не знаю! А ещё был случай, когда молодой Биньямин, двоюродный брат Майи, племянник Ибрахима объезжал ахалтекинского жеребца, купленного отцом у туркменских купцов. Сначала конь вел себя тихо, а потом разъярился и понёс Биньомина в степь! Глаза красные, на губах пена! Джигиты поймали коня, но тот никак не хотел успокаиваться. Майя подошла к нему, погладила его ноздри, сказала что-то тихо-тихо и, он встал, как вкопанный, а потом совсем успокоился и даже разрешил надеть на себя седло!

И это могут многие. Я видел одного славянского волхва, который точно так же шептал в уши лошади какие-то слова и конь становился, послушен как ягненок!

Плохо ты знаешь свою любимую. И вообще как случилось, что ты полюбил её? Ты же все время в походе или в засаде. Когда, где, как в тебе проснулись чувства к ней? Чем она поразила твоё черствое сердце? – Дилайла сильно шлепнула его веником по голой ягодице – Мне можешь расска-

зять, я же вдова – она глубоко вдохнула – мне уже никогда не выйти замуж.

Ну почему не выйти? Ты можешь стать женой славянина, у них разрешается жениться на вдовах. У меня в сотне есть славяне, поверь, они хорошие воины, а значит хорошие мужья.

Не вижу никакой связи. Ты не ответил на вопрос о Майе. Ну да ладно, поднимайся, мойся, твой друг уже одевается.

Распаренные и отдохнувшие пограничники, в свежих рубашках, вышли из бани. Солнце светило ярко, жаворонки в небе пели свою бесконечную песню, воздух был прозрачным и легким. Иссур отпросился у командира и побежал известить родителей живущих у северной башни, а Муса полетел в штаб. Его очень сильно интересовали результаты допроса пленного.

Допрос, вероятно, был окончен, потому, что старшие атаманьы во главе с Ибрахимом, сидели за струганным дощатым столом, молчали, изредка переглядываясь. Младшему командиру разрешили войти и сесть за общий стол с пожилыми заслуженными тысячниками. Война была их профессией, их жизнью и любовью. Они служили московским князьям верой и правдой, поэтому и жили на краю Дикого Поля, источника постоянной опасности для большинства жителей Московии. Ибрахим посмотрел на Гирея тяжелым взором.

Необычную добычу ты выловил на этот раз, Муса.....

Я и сам не мог понять, кто такие эти всадники, почему

идут так смело, никого не бояться. У них не было ни одного видимого охранного талисмана. Ни тамги, ни пайцзы. Кто они, Ибрахим?

Ты слышал о предводителе барласов Тимуре Гуркани¹²?

Барласов? Это же где-то там, далеко на Востоке. Почти на краю земли, около Китая. Ли Цидань рассказывал нам с ребятами, что у монголов были войны с жителями больших и древних городов. Он называл их Марканда¹³, Бухара, и ещё как-то.....Только имя их амира¹⁴ было не совсем такое. Он назвал его Тимур Аксак¹⁵, это он?

Тот самый. Странно, что ты о нём не слышал. Сегодня это самый удачливый полководец в Азии. Постепенно он подчинил себе все известные нам страны. С монголами он сражается с самой юности, и выгнал их своей страны. Помнишь Тохтамышша? Его он тоже победил. Я тебе расскажу о Тимуре подробно, это сейчас не самое главное. Тебе очень повезло, что ты пощадил этого парня, взял в плен именно его! Ты даже не представляешь, кого ты захватил!

Так скажи кого, атаман! Не томи!

Это царевич Касим – потомок Чингисхана!

Точно установлено?

---

¹² Тимур Гуркани – одно из имен Тимура, подчеркивающие его родство с Чингизханом. Гуркани переводится как – зять. Одна из жен Тимура была их рода Чингизхана.

¹³ Марканда – Самарканд

¹⁴ амир – командир (тюрк)

¹⁵ аксак – хромой

Абсолютно! Моя дочь говорила с ним, он не врет!

Майя!?

Да. Прямых потомков Потрясателя Вселенной осталось немного и Касим один из них. Тимур Аксак с детства держал его в своем дворце в Самарканде, растил его, воспитывал, обучал языкам и военному делу, но к битвам и военным советам не допускал – говорил, что слишком молод. Но весь мир знает, что Касим и Тимур – это одно целое. От имени этого чингизида и ещё одного, непрямого потомка Туклук Тимурхана, этот Аксак собирал войска и правил завоеванными странами. Касиму надоело быть «карманным» чингизидом Тимура Аксака и он сбежал со своей личной охраной. Шли они на запад без охранных грамот, тамги и пайцзы, потому, что считали, что потомка Чингисхана никто никогда не тронет! Так и было, пока они не нарвались на твою заставу.

А куда же он ехал?

К князю московскому, Василию Дмитриевичу.

Зачем?

Служить ему хочет! Он считает, что под его, Касима, имя, соберется много степного воинства, и князю это будет на пользу. Может быть он и прав. Когда готовили Куликовскую битву, тоже много кого встало под знамена князя Дмитрия Ивановича Донского. А уж тюрков у него, что татар, что кипчаков, было, наверное, побольше, чем у Мамай! Народу погибло тьма и с нашей стороны и с их стороны..... Про-

шло всего десять лет, не поднялась ещё Русь, не нарожали ещё бабы детей взамен убитых воинов.....

Я тогда, по поручению князя, с отрядом к черемисам ездил. Уговаривал их лесных каганов за русских выступить, против Мамаю. Но черемисы не согласились. Они не боялись ни татар, ни русских. Там такие дремучие леса, что шайтан ногу сломит! Они мне показывали свои схроны и ловушки. У них есть специальные места, куда прячут скот, стариков, детей и женщин. Враг может проходить в двух шагах от засады и не видеть ничего.

Так ты у них научился маскировке?

И у них. Но больше всего мне рассказал наш китаец Ли Цидань. Он ведь был не простым человеком в своей стране.....

Ладно, всякий пришедший к нам и признающий наши обычаи становится казарин. От нас выдачи нет. Это старинный закон предков, ему тысячи лет. Если принял наш закон – забудь всё, ты казарин!

Китайцы очень изобретательный народ, хорошие инженеры, тактики и стратеги.

Хватит об этом. Не отвлекайся и слушай!

Я весь внимание атаман!

Мы этого царевича не пытали, Майя посмотрела ему в глаза, и он стал говорить правду. Его язык очень похож и на хазарский и на язык кипчаков. Слава Богу, мы хоть и говорим в большинстве своём по-русски, но и родной язык

не забыли, поэтому понять его было легко. Он сильно испуган, не ожидал такой быстрой расправы с отрядом. Много дней они в пути и его имя было им защитой. Он рассказал нам о том, что творится в Дикой Степи. Там теперь брат пошел на брата, отец на сына. Тимур бин Тарагай Барлас¹⁶ много лет воевал с монголами и победил их. Ещё он передал слова Тимура: « Все пространство населённой части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». Тимур уже завоевал множество стран – Мазандаран, Шираз, Самарканд, Герат, Бухару – весь Чагатайский улус покорился ему. Персия, Грузия, Армения, народы Каспия, Индия, Китай – все теперь платят ему дань! Он очень умен и хитер, настоящая степная лисица. Его воины не знают усталости и страха. У них только одно чувство – жадность, только одного человека они боятся – Тимура Аксака. Тебе придется проводить царевича Касима к князю Василию, пусть он сам ему все расскажет, а ты будешь переводчиком. Охраняй его как собственную жизнь. Понял?

Да

Тогда что стоишь? Иди, собирай свою сотню. Полная боевая выкладка, понял?!

Да, атаман!

Ты должен быть готов к любому нападению. Хромец, воз-

---

¹⁶ Тимур бин Тарагай Барлас – Тимур сын Тарагая из племени барлас (настоящее имя полководца Тимура Гуркани), он же Тамерлан (Темир Ланг – Железный Хромец [перс.])

можно, не знает, что Касим бежал, но если узнает, сделает все, чтобы вернуть его или убить!

Понял атаман!

Если понял, что стоишь!?

Хочу просить тебя о милости.

О чем это?

Разреши мне увидеться с Майей?.....Возможно, она подскажет мне, как вести себя с царевичем.....

Вот хитрец! Разрешаю! Но завтра утром, на рассвете вы уже должны быть в пути.

Атаман постарался улыбнуться так, чтобы Муса этого не заметил. Он был не против отношений Мусы и Майи – в степи век не долог у мужчины, все что угодно может случиться и с ним, могущественным тысячником казар. Сына у него нет, и если примет он смерть от злого врага, кто защитит Майю? Муса был храбрый и умный воин и Майя его, кажется, любит. У казар девушки были свободны в своем выборе и поведении до брака, но после того как воин вплетал ей в волосы свадебные ленты, она была в полной его власти.

Они встретились в священной роще, на обрывистом берегу реки. Река и ветер дуэтом пели свою нескончаемую песню. Берёзы шуршали листьями и в самый лютый зной дарили прохладную тень усталому путнику или кров влюбленным. Посреди рощи бил родник с прозрачной холодной водой, и в глазах случайно зашедшего туда человека рябило от цветных ленточек, привязанных на ветках деревьев. Шло

время, приходили и уходили разноязычные племена, разным богам поклонялись они, но обычай привязывать ленточки на ветки прекрасного белого дерева оставался. Если девушка хотела, чтобы парень никогда не забыл её, или юноша мечтал о том, что будет жить в памяти любимой – они привязывали цветную ленточку на ветку дерева, и их желание исполнялось. Боги ли были к тому причастны или природа прислушивалась к их просьбам – никому не известно. Так было.

И ещё был один обычай у казар, остался от степной, вольной жизни: маленькая тростниковая дудочка-курай, певец любви. Если юноша пришел на место свидания раньше девушки, то он играет на дудочке-курае нежные мелодии, а красавица по звуку узнает, где ждет её любимый. Мелодия дудочки нежная, в самую душу заглядывает, слышаться в ней ветра шум и листьев шелест. Плеск речных вод и песня жаворонка.

Муса пришел первым, сел на большой, нагретый теплым солнцем камень, под обрывистый берег и огляделся. Солнце стало из белого желтым, приблизилось к горизонту, полевые цветы запахи сильнее, дневные птицы перестали петь, а ночные ещё молчали. Вода в реки пахла водорослями и свежестью. Пчелы и шмели перестали летать, зато комары целыми тучами висели над водой. Мир быстро накрывали сумерки.

Почти стемнело, когда задумавшийся сотник почувствовал, что в него угодил маленький речной камень-голыш.

Эй, воин, ты ждешь кого-то? – Майя стояла на обрыве и смотрела вниз своими огромными карими глазами. Она было одета в красное платье, расшитое золотой ниткой, такие же шаровары и мягкие желтые сафьяновые сапожки, а её чудесные, густые, волнистые черные волосы прикрывал бухарский платок из прозрачной ткани. Нарядилась для милого. – Почему не играешь на курае?

Я не умею, любимая, ты же знаешь.

Смотри как много тростника, срежь, сделай дудочку и учись играть, пока меня нет.

Нельзя научить медведя вышивать. – Муса попытался обнять девушку, но она, легкая и ловкая, выскользнула из его рук.

Не спеши герой! Пойдем на наше место

Они сели на самом краю обрыва. Майя облокотилась на плечо Мусы, он нежно перебирал её шелковые волосы, всей грудью вдыхая их аромат.

Ты пахнешь как емшан¹⁷, любимая

Умеешь говорить красиво, воин. Я и есть емшан. Ты будешь помнить мой запах всю свою жизнь. Пока будешь жив.

Пока я жив – буду с тобой.

Увы, мой воин, нам с тобой не суждено быть вместе!

Что! Вот вернусь от московского князя и зашлю сватов, Ибрахим не откажет, я не самый последний человек в Каракаламе!

---

¹⁷ емшан – степная трава, полынь (тюрк.)

Ты не вернешься. Может быть мы и увидимся, но не здесь.

Огромные глаза Майи смотрели прямо в синие очи Мусы, они были полны слез и горечи. Солнце совсем зашло, и лицо девушки освещал только небольшой костер, зажженный, Мусой на каменистом берегу. Пламя освещало их двоих, и казалось, что они одни на всем свете

Почему ты так говоришь, Птичка моя? Я так тебя люблю и никогда не оставлю. Вернусь к тебе, где бы ни была!

Не получится. Будет большая война, много погибнет людей. Ты будешь стараться отвести эту беду, а потом другую, потом третью..... У тебя будет своя мужская жизнь, будут другие, прекрасные женщины. Гораздо красивей меня!

Майя, что ты говоришь?! Разве есть кто-то красивее тебя?!

Что ты видел в жизни любимый? Но ты увидишь, много увидишь. И жизнь тебя будет баловать, а я, пока жива, защищать.

Ничего не понимаю!

А тебе и не нужно ничего понимать. Я вчера думала о нас с тобой, у меня были видения! Слушай внимательно. Ты будешь постоянно в опасности, а если будешь все время думать и оценивать обстановку вокруг себя, останешься жив. У тебя будут могущественные друзья, но и враги очень сильные. Ты станешь очень влиятельным человеком благодаря своей честности и уму. Знаменитые правители узнают твое имя, но оно изменится. Если тебе придется поступиться ка-

кими-то принципами – соглашайся, иначе не выживешь. Соглашайся, хотя бы для вида, а на деле будь верен Родине и роду своему. Ты меня слышишь?

Глаза Майи были широко открыты и смотрели куда-то вдаль, мимо Мусы, мимо березовой рощи – в грядущее. У Гирея захватило дыхание, он никогда не видел девушку в таком состоянии.

Будет человек, которым ты станешь восхищаться, но он станет врагом твоей Родины и твоего народа, не жалея его. Будет другой человек, которого ты не одобришь, но его дела будут на благо твоей Родине и народу – помогай ему. Будь, терпим к иноверцам – Бог один и у римлянина и у иудея, и у мусульманина. Просто люди толкуют его слова и дела на пользу только себе, а не соседям.

А что будет с тобой, Майя?! – он верил ей полностью и безоговорочно

Со мной? Я не знаю. Но рядом с тобой я видела другую женщину. А про себя я ничего не могу сказать, кроме одного.....

Одного чего?

Эта ночь наша с тобой и больше ничья. Через много лет ты вернешься сюда и найдешь память обо мне.

У Мусы кружилась голова, запах емшана, горящих веток и волос Майи сводил его с ума. Его руки гладили плечи девушки её грудь, горячие бедра, Майя откинула голову и закрыла глаза. Темная ночь и затухающее пламя закрыло

влюбленных черным бархатным покрывалом, и ни один человек не видел того, что произошло между ними.

Муса очнулся утром в березовой роще на собственном плаще, один, но в памяти огнем горели слова Майи. «Ладно, жизнь покажет, кто пророк, а кто просто болтливая девчонка. Вернусь – сразу сватов зашлю!» – подумал он. Теперь пора было поднимать сотню и выполнять приказ.

3

*В час бог един точно переменяет
(Один только Бог может все изменить
в одночасье. Псковская поговорка. XVI век.)*

Сотня уже собиралась на майдане¹⁸ у третьей башни. Все здоровые лошади, приписанные к сотне, осматривались опытным десятником Бараком, который и решал: выдержит она поход или нет. Муса был спокоен, Барак – лучший лошадиник в его сотне, ни одна больная, плохо подкованная лошадь в поход не пойдет. Отобранные верховые и заводные лошади протирались чистыми тряпицами и только потом седлались. Казары были прирожденные всадники, в три года каждого из них родители посадили на коня. Но в сотне были и русские, ставшие казарами «побегом» от ненавистного хозяина, они были прекрасными лучниками, сильными и упорными рубаками, но в искусстве верховой езды от коренных казар поначалу отставали.

Главное искусство управления всадника лошадью заключается в том, чтобы, действуя поводом, заставить лошадь себе повиноваться, не причиняя ей боли давлением удила на челюсть, ибо это вызвало бы раздражение и сопротивление. Кавалерийский повод должен быть такой длины, чтобы,

---

¹⁸ майдан – площадь для воинских упражнений или собраний (тюрк.)

не сдвигая кулака с места, всадник чувствовал легкий упор десны на удило. Для укорачивания повода всадник поворачивает кисть мизинцем от себя. Если же этого недостаточно, то следует, сверх того, плавно подавать кисть руки или на себя, или от себя.

Главными средствами управления лошадыю, для всадника в поле являются уклоны корпуса и уздечка; шенкеля¹⁹ же в незначительной степени. Шенкель отчасти заменяется нагайкой, служащей средством понуждения и наказания. Отрывистого лёгкого удара по плечу или за подпругой достаточно, чтобы подбодрить лошадь на ходу.

На майдане столпились люди и лошади. Мальчишки, несмотря на раннее утро, помогали старшим братьям собираться. Утоптанная глина майдана часто была ареной таких сборов. Приказ об уходе был получен каждым от своего непосредственного начальника ещё прошлым вечером, так что затянуться эта процедура не могла.

Оружие и его состояние Муса проверял лично. Кроме копья, лука с полным колчаном стрел, сабли с запасным лезвием, шлема, щита, засапожного ножа, кинжала и кольчуги, каждый воин должен был иметь передний и задний выюки с уложенными в них запасными сапогами, иголкой, дратвой и ниткой. Обязательно плащ или бурку из тонкого черного войлока, трут, огниво и конечно аркан, который мог быть

---

¹⁹ шенкель – обращенная к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки, служащая для управления лошадыю.

простой волосяной веревкой с петлей на конце или более сложным устройством.

Аркан Мусы, например, был необычен даже для казар, которые с охотой воспринимали все новое в воинском деле. Длинная веревка из конского волоса на конце была привязана к поперечной, более короткой, концы которой были прочно заправлены в тяжелые стальные шары. Такой аркан должен был только долететь до цели, а стальные шары сами обхватывали её и скручивали веревку с другой стороны. Муса часами мог, со свистом, крутить этот аркан над головой, разбивая шарами, установленные на каменную стенку, полосатые арбузы. Постепенно он добился такого искусства во владении этим необычным оружием, что тушил шарами свечу, даже не покачнув её. А зимой на охоте, сумел отбиться этим арканом от стаи волков. У каждого воина его сотни было какое-то специальное, только им одним изученное, любимое оружие.

Сборы не затянулись и через короткое время сотня построилась перед своим юзбаши²⁰, сверкая начищенными кольчугами, шлемами и наконечниками копий. Идти предстояло по своей территории, поэтому средствами маскировки можно было почти пренебречь. Все были на месте, только сопровождаемый царевич Касим заставлял себя ждать. Муса использовал эту задержку для того, чтобы напомнить своим воинам о дисциплине в походе и наказании за её нарушение.

---

²⁰ юзбаши – сотник (тюрк.)

Власть командира в походе была почти неограниченна, а подчинение безоговорочным и полным. Десятник был хозяином жизни и смерти каждого бойца в своем десятке, сотник в сотне. . . . . Все, как велит Ясса Потрясателя Вселенной Чингизхана.

Наконец показался тысячник Ибрахим с тремя всадниками. Рядом с ним неспешно трусил на мускулистом кауром жеребце молодой парень, одетый и вооруженный на казарский лад, это и был царевич Касим. Веселые карие глаза блестяли из-под черной мохнатой шапки с красным верхом. Маленькие усы украшали лицо знатного всадника. На коне он сидел прямо, правая рука упиралась в правое бедро, а левая придерживала уздечку.

Шалом алахем, Муса! – поздоровался Ибрахим – счастья и удачи тебе и твоим воинам в походе!

Алахем шалом, атаман! Спасибо на добром слове. Ты пришел нас проводить, это честь для меня и моих людей.

Вы лучшие в моей тысяче, только ради знатного гостя отпускаю вас. Постарайся Муса, чтобы пылинка с Касима не упала. Передай мой поклон князю Василию Дмитриевичу. Мы вечные его слуги, жизнь свою за князя отдадим, если понадобится. Вот тебе для него – атаман передал Мусе небольшой кожаный чехол, опечатанный полковой печатью. – Здесь отчет и письмо от меня. Подарки уже погрузили. Если он тебя примет лично, сначала выясни весь порядок, потом иди. Не дай Бог тебе ошибиться, не так ступить

не то сказать, князь этого не любит. Если на охоту позовут, то покажи казарскую удаль. Ведь ты у нас богатырь не из последних. Отойдем. Извините мирза²¹ – последняя фраза была обращена царевичу Касиму.

Слушай меня, сынок. Князь Василий конечно князь, сын Дмитрия Ивановича, тот тоже князь был. Но не все решает происхождение. Обрати внимание на митрополита Киприана. Он простого рода, по происхождению болгарин из Тырнова. Прислали его в Москву ещё при жизни Дмитрия Ивановича. Не знаю почему, но невзлюбил его Дмитрий, выгнал из Москвы, а митрополитом сделать решил своего друга детства священника Митяя. Снарядил его в Царьград к Филофею-патриарху на утверждение, умер Митяй в дороге от неизвестной болезни.

Неизвестной?

Я вижу, ты меня правильно понимаешь, Муса. Только и на этот раз не захотел Дмитрий поставить Киприана митрополитом. Нет, он митрополитом то стал, князь второй раз послушаться патриарха не рискнул, иначе во всех церквях его могли бы и анафеме придать, такие случаи на Руси бывали. Но через два года обвинил Дмитрий Киприана в сношениях с государем Литвы Ольгердом и опять выгнал из Москвы.

Киприан предал Дмитрия?! Заговор готовил?!

Этого никто доказать не мог! Письма писал, договора го-

---

²¹ Мирза, мурза – у тюркских народов мирзой называли руководителей родов, орд.

товил, но не во вред Руси, а на только на пользу.

А что же Дмитрий?

Киприан обратился в патриарший суд, но Дмитрий уперся и всё! Не пустил Киприана в Москву. Заклинило его! Только после его смерти стал Киприан полноправным митрополитом.

А, что же он до этого делал?

В Киеве жил, был митрополитом киевским и литовским. Обрати внимание, сегодня князь Василий ему в рот смотрит. У него своя дружина, посильнее, чем княжеская и вооружена лучше. Тайный приказ полностью в его власти. Так не поверишь, поп ведь, не воин, а разбойников на дорогах по его приказу ловят, по русским законам судят. А сколько книг им написано, не сосчитать. Князь своих детей доверил его заботам, учителя от него приходят. Учат княжеских недорослей языкам, риторике и другим наукам.

Да, интересный человек.

Нужный человек. Если обратит на тебя внимание, не уклоняйся. Ты у нас неглуп. Будешь ему полезен, значит и всем казарам тоже.

Понял атаман.

Ну, командуй, Муса, увидимся. Разрешаю родным проводить вас до границы города. Вперед!

До свидания, атаман. Приду обратно, сватов пришлю.

Буду рад. А пока, думай только о деле.

Сотня медленным шагом пошла до последнего огорода

у старого оврага. Там и была граница города. Почти каждого всадника провожала женщина, мать, сестра, жена или невеста. Так, молча, держась за стремя уезжающего воина, они выражали свою печать о близком человеке, которого, может быть, никогда больше не увидят живым. Сразу после старого тына Муса перестроил сотню в походный порядок. Царевича поставил в середине отряда, и конница быстрым шагом двинулась на запад к пределам московского княжества.

4

*Еже сами хулим, того паче да не творим
(Что сами порищем, того не свершим. Менандр
Мудрый IV – III вв. до н. э.)*

Только сотнику позволено было перемещаться вдоль колонны в походном строю, не только позволено, а положено. Командир должен знать все, что происходит в сотне, кто отстал, у кого лошадь расковалась или просто закапризничала, кто заболел. Да мало ли что. Десяток авангарда, примерно, на полкилометра выдвинулся впереди основного отряда. До границы московского княжества Муса запретил громкие разговоры, обычные гиканья и перекрикивания. Территория, конечно, своя, но лучше себя лишний раз не обнаруживать.

Муса подумал и послал ещё один десяток в арьергард. Хотел быть уверенным, что никто за ними не следит. Монотонный стук копыт убаюкивал привыкшего к действию сотника. Легкий ветерок обведал его лицо, слегка поскрипывала и пахла свежесделанной кожей конская упряжь. Тулпар шел ровно и красиво, он тоже был сотник среди лошадей. Муса не раз замечал, что человеческие взаимоотношения накладывают отпечаток и на отношения между животными. Лошади в табунах к его коню относились с очень боль-

шим уважением, чувствовали в нем лидера. Но скуку нужно было прогнать и Муса подъехал к царевичу Касиму.

Всё ли у вас в порядке, мирза Касим? Ничего не беспокоит?

Называй меня просто Касим, в походе не чванятся. Нет, у меня не все в порядке. Ты убил всех моих людей на границе! Зачем? Это были верные, преданные мне воины.

Вы шли к нам без приглашения, без предварительной договоренности. Тамги и пайцзы у вас не было. Такие отряды мы всегда уничтожаем, а потом разбираемся, кто это был и зачем шел. Очень редко оставляем одного или двух человек «для языка». Тебе просто повезло, что мы именно тебя оставили в живых. Да и нам тоже повезло.

Муса улыбнулся Касиму самой светлой своей улыбкой. Для него этот вопрос даже не требовал ответа. Все, кто идет без разрешения – это или враг или разбойник, собственно тоже враг и подлежит уничтожению.

А у вас много разбойников на дорогах?

Нет, совсем нет. Амир Тимур сам был разбойником, в далеком прошлом, хорошо знает их жизнь и повадки, поэтому он за несколько лет полностью уничтожил преступность на дорогах. В городах есть, конечно, и воры на базарах, и домушники, и грабители есть, но и их скоро не останется. Наши купцы порой и охрану не нанимают. А зачем? Никто не нападет

А если нападет?

Найдут, поймают, накажут очень строго!

Что значит строгость, по-вашему?

Ну, если просто вор то, для начала правую руку отрубят. Если второй раз попался, тогда голову снесут. Если на Повелителя злоумышляешь, то на кол посадят. Если жена мужу изменила, привяжут к позорному столбу и насмерть забьют камнями.

У нас тоже воров убивают, а неверных жен просто изгоняют. Конокрадов, если поймают и докажут вину, берут за ноги и руки, и животом, со всего размаха бьют об пень. Почти никто не выживает.

У нас конокрадов просто лошадьми на части разрывают!

Они долго обсуждали различные способы казни за конокрадство. Двум заядлым лошаdnикам Мусе и Касиму это казалось абсолютно справедливым – время было жестокое, человеческая жизнь стоила дешево, а хорошая лошадь – это целое состояние! От лошади зависело все – жизнь, достаток, положение в обществе.

– Касим, а в твоей стране люди, где живут – в юртах или городах?

И в городах и в юртах, страна большая, очень богатая.

Если богатая, то почему вы все время воюете?

Сильный, должен все время напоминать о своей силе, тогда страна будет обширна и богата. Амир Тимур сказал: «Все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей».

Это значит, что он хочет быть царем всего мира?

Значит так.

Они говорили на общем для обоих кипчакском языке. Тюркские языки Мусы и Касима и так были очень похожи, но разница всё же была. Тысячелетия для всех тюрков кипчакский был языком межнационального общения. Муса, вскинул голову, подъезжал гонец из авангарда. Он доложил, что все спокойно, впереди заставы московского княжества, которые охраняли родственные им казары тысячника Исмаила. Движением руки Муса отпустил гонца и снова обратился к Касиму.

А кто такой этот амир Тимур? Откуда он взялся?

Великий человек, великий воин. Тимур бин Тарагай Барлас, вот его настоящее имя. Он родился в городе Кеш, что в Бухарском ханстве. В Мавераннахре²² сначала власть принадлежала монгольским эмирам, и возводившиеся на престол тюркские ханы правили только номинально. Монгольские эмиры в потом возвели на престол Туклук-Тимура, который стал править в Восточном Туркестане, Кульджинском крае и Семиречье. Первым главой тюркских эмиров тогда был хан Казаган.

Тимур первоначально был главой шайки разбойников, об-

---

²² Мавераннахр (араб., буквально – то, что за рекой), средневековое название областей по правому берегу Амударьи. Появилось во время арабского завоевания 7—8 веков. Позднее этим термином обозначались области между Амударьёй и Сырдарьёй. Древнейшие и наиболее крупные города – Самарканд, Бухара, Худжент

разовавшейся в смутное время. В его отряде была железная дисциплина и очень честное распределение добычи. Поэтому люди были ему преданы бесконечно. С этим отрядом он поступил на службу к владельцу Кеша, которого звали Хаджи, главе племени Барлас. Вообще-то это был его дядя.

Туклук-Тимур весь Мавераннахр завоевал, и дядя Тимура, Хаджи, бежал в Хорасан, где его убили. Тимур как его единственный наследник был утвержден владельцем Кеша и одним из помощников монгольского царевича Ильяс-ходжи (сына хана), назначенного правителем Мавераннахра. Ты улавливаешь, Муса? Он вообще отдыха не знал!

Такова жизнь воина, Касим. Дальше, дальше.....

Тимур скоро отделился от монголов и перешел на сторону их врага хана Гусейна (внука Казгана). Монголы послали войско, чтобы захватить его, а Тимур и хан Гусейн собрали небольшой отряд и стали партизанить в собственной стране против монголов. Во время одной стычки в Сеистане Тимур лишился двух пальцев на правой руке и был тяжело ранен в правую ногу, отчего стал хромым. Но монголов из страны выгнал и правителем Мавераннахра сделался Гусейн, а Тимур вернулся на родину в Кеш. Однако не все бывает ладно и между близкими друзьями – Тимур восстал против Гусейна, помирился с ним и снова восстал.

Неугомонный какой. Ну и жизнь у вас на востоке!

У вас ничуть не лучше. В конце концов, Гусейн был взят в плен и убит в присутствии Тимура, хотя и без пря-

мого его приказания. После этого Тимур принял присягу от всех военачальников Мавераннахра. Чтобы подчеркнуть свою скромность он не принял ханского титула и называет себя «великим амиром». Ханами при нем считались потомок Чингисхана Суюргатмыш, его сын Махмуд и..... я. Но мне это все надоело!

Это я слышал. Ты больше никогда к нему не вернешься.

Хотелось бы. Но как только он узнает, где я, сразу пошлет за мной своих людей.

Ты присягал ему на верность? Кто чей слуга?

Я Чингизид, мне обязаны присягать!

Вот об этом и думай. А от твоего хромого амира князь Василий тебя защитит. Чем занят сейчас Тимур-Аксак?

Теперь? Тимур избрал своим местопребыванием Самарканд и украсил его великолепными стройками. Но сначала он очистил страну от бандитов и её дороги от грабителей. В смутное время эта плесень сама вырастает везде. Потом укрепил границы страны.

Это правильно!

Потом начал воевать со всем миром и завоевал большую и лучшую его половину. Он очень жесток, его бояться «до кровавого поноса». Но он очень справедлив и беспристрастен. О его справедливости сложены легенды.

Легенды? Не слышал ни одной, расскажи, сделай милость.

В молодости ему прочитали в Коране, что слава царей зависит от их милостивого отношения к своим поддан-

ным. И ещё: если Бог возвеличит кого-либо, и этот человек во всех своих делах будет руководствоваться справедливостью и будет милостив к своим подданным, то его могущество возрастет. Если же такой человек уклонится на путь несправедливости и жестокости, то падет и его могущество. Поэтому он выбрал себе четырех министров, людей известных своей честностью и справедливостью. И повелел им неусыпно следить за собой и останавливать каждый раз, как он вздумает поступить несправедливо, поверит чьим-либо ложным словам или захочет воспользоваться чьим-либо чужим имуществом.

Красиво сказано, но где же легенда?

Ну, не легенда, а случай, которому я сам был свидетель. В городе Кеш жил дехканин, бедный человек. Все, что у него было – это виноградник с удивительным виноградом. За глиняным дувалом, у соседа, такого виноград не было. Вкусный, сочный, крупный, слаще сахара. За этим виноградом приезжали покупатели из славной Бухары, из столичного города Самарканда, из Ташкента и Хивы. Так и жил старик, выращивая и продавая виноград, а труд этот нелегкий. Хватало и ему и его внучке, отец которой, сын старика погиб в Индии, куда ходил воевать вместе с амиром Тимуром. Но только был он простым воином – лучником. Девочки у нас вырастают очень быстро, исполнилось внучке старика четырнадцать лет. Твоей любимой сколько лет?

Пятнадцать. А откуда ты.....

Видел, как она провожала тебя, держась за стремя. Ну, приглянулась эта девушка, внучка старика, местному начальнику ночной стражи. Прислал он за ней воинов и забрал в свой гарем. А старик пошел жаловаться эмиру Кеша, Мухитдину Шари. Тот, не долго думая, собрал шариатский суд и, вопреки всем законам, оставил девушку у стражника, да ещё забрал виноградник старика себе. Бедный человек остался и без внучки и без дохода. В это время, в Кеш приехал сам амир Тимур, добрые люди взяли старика и отвели на его суд. Когда Повелитель услышал историю деда и всех свидетелей, он сразу покарал обидчиков старика.

А как он их покарал? Казнил всех, а девушку вернул деду?

Девушку вернуть уже было нельзя, она стала женой начальника ночной стражи, поэтому амир Тимур приказал, чтобы муж выплатил дедушке очень большой калым²³. Судей, вынесших несправедливое решение, он лишил звания судьи, всего имущества и отправил копать оросительные каналы, навечно. А корыстного эмира лишил должности и званий. Кроме того, Мухитдина Шари вывели на площадь и, на глазах всего народа, положили ему на раскрытые ладони пятьдесят медных тенге, нагретых палачом докрасна. Монеты прожгли руки мздоимца от чего он и умер.

Жестко, но справедливо. И от такого человека ты бежал? Справедливый, умный, удачливый в боях!

---

²³ калым – выкуп за невесту, основное условие заключения брака у тюркских народов

Всё это так, но..... Я природный хан, а он простолюдин! Аллах дал ему удачу, а весь мой род уничтожил. Если я погибну или не стану великим ханом, что останется от меня потомкам? Эх, да ты не понимаешь! Ты всю жизнь был вольной птицей, казарин, я же с младенчества все должен был согласовать, на все спрашивать разрешения, а ведь мой предок Чингизхан владел всем миром!

Успокойся, Касим, теперь все будет по-другому. Слушай. А этот Тимур, он, что никогда не ошибается?

Очень редко, но бывает! Есть у него одна особенность: если не знает, как поступить, берет священный Коран, открывает его на любой странице и читает. Нет не сам, сам он читать не умеет. Секретарь ему читает. У него секретарь очень образованный человек, Набиджан Хатыф. И вот этот Набиджан читает ему выбранную строчку и тогда амир решает, как действовать. Этому его научил шейх Зайнуддин-Абубекр Тайбадский – его духовный отец. А уж если слишком трудный случай, то он сам едет к шейху Зайнутдину и они вместе решают, что делать.

И тогда уже без ошибки бывает?

Зря смеёшься, Муса. Аллах подсказывает ему верный ход. Если, уж совсем быть честным, я тоже решил бежать, когда заглянул в священную книгу – царевич покраснел и опустил голову. Муса сделал вид, что не заметил его смущения.

И, что ты там вычитал?

В Суре номер 2, есть такие слова: «Этим – удел оттого, что

они приобрели, – поистине, Аллах быстр в расчете!» Разве не ясно?!

Да уж не поспоришь.

Вот я и решился!

Баракялла²⁴! Хорошо. Что мы тебя не убили, будем вместе воевать!

Отряд двигался между пролесками и небольшими рощами. Касим и Муса болтали. А чем ещё заняться двум молодым воинам в пути? Но в то же время, в сотне шла постоянная работа: авангард постоянно докладывал обо всем, что встречалось на пути, боковые дозоры тоже делали это, но только голосом, так как находились гораздо ближе авангарда к сотнику. Примятая трава на обочине дороги, сломанная ветка на придорожном дереве – ничего не могло укрыться от зорких глаз казарских пограничников. Колонна двигалась быстро, не тратя времени на пустяки.

Припасов с собой не брали, решив, что кормиться будут охотой или на ближних заставах. Деревень и кочевьев пока не встретили, хотя следы человека попадались достаточно часто. Постепенно степь переходила во все более широкие лесочки. Вдалеке синел настоящий, густой и плотный лес. Касим поглядывал на приближающуюся лесную массу с опаской. Для него, человека степи, лес был непонятен и опасен. Зверь и враг могли появиться неожиданно, из-за

---

²⁴ баракялла! – одобрителный возглас у тюркских народов, типа «молодец» по-русски

любого дерева, оврага, или замаскированной ямы. Это в степи появление чужого видно издали, лес – тесный, страшный и опасный. Заметив неуверенный взгляд нового товарища, Муса сказал ему:

Не бойся Касим и привыкай. Московия вся покрыта дремучими лесами, здесь лес кормит и защищает человека. Вот сделаем привал и пойдем с тобой на охоту, тут недалеко есть озеро, птица там знатная! Поохотимся?

Как скажешь Муса-ака²⁵. Научи меня жить в лесу, я умею быть благодарным.

Солнце быстро катилось к кромке горизонта. Отряд приближался к опушке бесконечного русского леса. Один из передовых воинов крикнул:

Муса, впереди всадники!

Сколько человек?!

Три человека, в руках левого пика, на ней флаг.

Что на флаге?

Лик Спаса!

Это наши. Нахман, Степша, со мной, остальные на месте стой! Ицхак за старшего! Сулеман, Иссур – рядом с Касимом. Выполнять!!

Казары мгновенно выполнили приказ сотника. Два всадника встали рядом с царевичем, двое других встали по бокам сотника, на пике, как по волшебству, появился небольшой флаг из твердой ткани с ликом Иисуса, или Спаса, как на-

---

²⁵ ака – вежливое обращение к старшему по возрасту (тюрк)

зывали его русские. Медленным шагом всадники двигались к навстречу друг другу. Приблизившись на расстояние хорошей видимости, начальники дали приказ сопровождающим их воинам остановиться, а сами, подняв пустую правую ладонь на уровень головы, улыбаясь, двинулись друг к другу.

Доброго дня, знаменитому сотнику Мусе Гирею, хорош ли был твой путь? —

И тебе доброго дня, сотник Петр. Путь наш был без происшествий, твоими молитвами, наверное. Как поживает твоя красавица жена Ксения и твои двое сыновей — Глеб и Всеволод?

Ты хочешь сказать трое сыновей — Глеб, Всеволод и маленький Даниил?

За тобой не успеешь, Петро, ты детей делаешь так же быстро, как саблей машешь!

Мы казаки, ты и я, нашему роду не должно быть переводу. Поэтому должны быть первыми не только в битве. А ты, все ещё не уговорил свою красавицу Майю, выйти за тебя?

Вернусь, зашлю сватов.

Наконец-то. Куда путь держите и за какой надобностью?

Письмо для тебя у меня в седельной сумке, из него все узнаешь, что знать нужно. Просьба, у меня к тебе.

Проси все, что хочешь!

Определи нам место для ночлега и хлеба пришли немного, а дичь мы сами себе добудем. Только место дай не в станице, а у озера.

Выбирай, что тебе любо. Но осторожнее будьте, разбойники тут у нас объявились, никак словить не можем. Проезжающих грабят, убивают без жалости. Третью ночь разъезды ходят, никого!

Чтобы у казацкой заставы разбойники гулеванили, первый раз такое слышу. Ну, да и мы тоже казаки, и много нас, не нападут. А нападут, так им же хуже будет.

5

Через силу поущайся на доблесть

(подавляя силу, приобретаешь отвагу. Менандр

Мудрый IV – III вв. до н. э.)

Дорога привела воинский отряд Мусы к голубому озеру, заросшему ивами и камышом. Подземные родники и лесные ручьи подарили ему холодную и очень чистую, прозрачную воду. Высокие, раскидистые дубы тянули свои узловатые корни к живительной влаге. Многочисленные следы небольших копыт вокруг, ясно показывали, что и местные олени приходят сюда по вечерам, попить водички. Дикае утки облюбовали это чудесное место и, прилетали сюда подкормиться молодыми побегами камыша и червяками в прибрежной грязи.

Лагерь раскинули очень быстро и умело. В середине круга поставили палатку сотника, в ней поселился и царевич Касим. Вокруг расположились палатки десятников, рядом с каждым десятником его десяток. По периметру круга всю ночь должны были ходить караульные, сменяясь через каждые два часа. За сменой часовых обязан был следить заместитель сотника Ицхак, он лучше всех чувствовал время и просыпался точно в срок смены караула. Сказывался многолетний походный опыт.

Поужинали подстреленной накануне косулей. На закате Муса и Касим решили поохотиться на уток, но не около лагеря, где шум и суета казацкого лагеря их напугала, а на другом, противоположном берегу. Сотник и царевич не взяли с собой охрану, что это за охота с охраной, смешно себе и представить.

Привязав лошадей на зеленой лесной полянке, они приготовили луки с легкими стрелами и залегли в камышах. Солнце почти ушло за горизонт и сумерки мягко обволакивали землю. Лягушки завели свою песню. Комары стали тучами кружиться над охотниками и, нет-нет, да и покусывать их в незащищенные места. Утки прилетели большой стаей и уселись на воду, надеясь вволю поживиться этими кусачими, звенящими насекомыми и свежей зеленью.

Прямо против Мусы проплыли две большие кряквы, совершенно не обращая внимания на затаившегося в камышах человека. Сотник прицелился, мягко отвел вперед левую руку, натягивая тетиву. Стрела беззвучно сорвалась и ударила в шею незадачливой птицы, пронзив её насквозь. Муса тут же вошел в воду и осторожно стал продвигаться в сторону убитой дичи. Вот когда он пожалел об оставленной дома собаке по имени Шай! Вот когда бы пригодился этот тренированный для любой охоты пёс!

Утка была далеко и отплывала все дальше, вода уже доставала Мусе до груди. Он взялся одной рукой за толстый стебель камыша, а другой рукой, постарался достать убитую

птицу. Лук и стрелы оставил на ближайшей иве. Наконец ему повезло, и утка оказалась в его руке.

Медленно повернувшись к берегу, Муса застыл от удивления. На берегу стоял высокий, широкоплечий человек. Во что он был одет трудно было разглядеть, из-за темноты. Но Муса хорошо увидел, что в правой руке незнакомец держал здоровенную дубину, а левой махал незадачливому казаку. Мол, давай выходи поскорее из воды! Вот когда сотник вспомнил предупреждение Петра о какой-то банде в лесу, у станицы. Стоя по пояс в воде Муса решал, что делать. Перед ним был только один противник. Если поднять шум, товарищи, конечно, услышат, но потом подумают, что их боевой сотник не смог справиться всего лишь с одним, не воином, а простым разбойником! Да и бандитов пока неизвестно сколько. Услышат и они, бросятся помогать приятелю, тогда справится, будет гораздо труднее. А где Касим!? Он схвачен или на свободе?! Все сомнения вылетели у Мусы из головы.

Иду, иду – сказал он незнакомцу и двинулся в сторону оставленного лука и колчана со стрелами.

Оружие у меня, – тихонько сказал незнакомец – Выходи из воды медленно, не нагибайся к сапогам. Знаю где вы, казаки, засапожные ножи держите.

Медленно двигаясь к берегу, Муса сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, точно так, как учил его Ли Цидань, китаец живущий в его родном городке Каракалам. Он часто

собирал мальчишек и учил их неведомым на Руси приемам нападения и защиты. Взрослые не мешали – казарский воин должен знать всё о войне и способах её ведения.

Муса напряг попеременно все мускулы спины, рук, ног. Потом мысленно представил себе, что время вокруг него замедляет свой ход, а он становится быстрым как пикирующий с неба сокол! Как молния, ударившая в дерево! Как мысль человека! Он становился быстрым и чрезвычайно опасным. Темнота вокруг него стала светлее, он уже ясно различал лицо стоящего перед ним человека, его медленно поднимающиеся руки, крепкие ноги в невысоких сапогах. Он слышал каждый звук вечернего леса – пение соловья неподалеку, какие-то шорохи слева и сзади.

Стремительный прыжок влево и удар на уровне сердца застал врасплох крадущегося к нему второго разбойника! Тот выронил кинжал из правой руки и мешком свалился под ноги Мусе. Казарин, перехватил медленно падающее оружие. Для него все стало двигаться гораздо медленнее, чем две минуты назад. Он ушел от дубины главного врага вправо и выпрямился за его спиной.

Его левая рука захватила шею противника, обе ноги уперлись спереди в его пах, а кинжал мгновенно оказался у горла врага. Несколько секунд понадобилось Мусе, чтобы повалить нападавшего и упереть его рот во влажную озерную землю. Он резко ударил неприятеля рукояткой кинжала по затылку, тот мгновенно затих.

Сотник огляделся. Всё было тихо. Их скоротечная схватка никого не потревожила. Один из нападавших был убит, другой без сознания. Крепко связав разбойника, вставив плотный кляп ему в рот, Муса подхватил свой лук и колчан со стрелами и, стараясь не шуметь, двинулся в ту сторону, где должен был быть Касим. Через несколько минут он почувствовал запах жареного мяса и увидел свет небольшого костра.

Касим был привязан к дереву, голова его была окровавлена, а глаза горели злым огнем. У костра хозяйничал один разбойник, а второй собирался пойти к озеру за водой, поэтому вытаскивал медный котелок из лежащего тут же на плечного мешка. До озера он не дошел – свалился, не издав ни звука, с перерезанным горлом. Муса был опытным степняком и поэтому решил, что лучше будет дать шанс и Касиму отомстить за внезапный захват. Он подкрался к привязанному соратнику, тихонько перерезал веревки и вложил в его руку свой крепкий засапожный нож. Касим мгновенно бросился на оставшегося разбойника и убил его ударом ножа в спину. Противник свалился лицом в костер, но никому не пришло в голову убрать его из огня.

Зря убил, Касим. Нужно было только ранить, а потом допросить – сказал Муса.

Меня сзади по голове дубиной огреть! Меня, чингизида! Он должен был умереть!

Ну ладно, пусть в этот раз будет по-твоему. Но в следу-

ющий, постарайся оставить в живых «для допроса». Убить можно и потом.

Муса, друг, я тебе обязан жизнью! Ты не думай, что я неблагодарный баран! Как только соберу свой улус под знаменем московского князя, будешь у меня первым в войске.

Касим, друг мой, я казарин, казак по-русски. Меня сделали всадником, когда мне было два года, а воином в двенадцать лет. Зачем мне чужое войско, у меня есть своё.

Тогда стань мне названным братом. Всё, что есть у меня будет твоим. Я буду слушать тебя как старшего брата. Научишь меня вашей казацкой воинской науке, русскому языку. Клянусь честью, что буду тебе хорошим братом!

Это очень серьёзно, Касим.

Я понимаю. Дай свою руку!

Касим положил руку Мусы на свою окровавленную голову.

Ну вот, наша кровь смешалась, теперь ты мой брат, а я твой!

Так произошло событие, полностью изменившее жизнь Мусы Гирея и всех его потомков.

6

*Лукава мужа николиже не створи се друга
(Коварного человека не сделай себе другом.
Менандр Мудрый IV – III вв. до н. э.).*

Бездыханного пленника Муса и Касим привезли в лагерь и передали в руки своих бойцов. Ицхак тут же послал десятков на место ночной схватки и собрал все, что там оставалось. Послали гонца и в станицу Петра. Старшина заставы явился быстро, как будто только и ждал вести. Оказалось, что действительно ждал:

Муса, брат мой, как чуяло моё сердце, что нарветесь вы на этих разбойников! Отдай мне этого татя, я его допрошу в станице.

А может мы сами, это сделаем Петро? Он – наша добыча. Кто с этим спорит? Только есть тут одна странность, я тебе о ней уже говорил. Необычный это разбойник. Обыкновенный грабитель не станет воровать около казацкой заставы – это опасно. Значит, у них были на это причины. Серьёзные причины. Допросим его ..... всерьёз, узнаем, что они тут искали, почему напали на двух вооруженных казаков? У меня в станице есть один умелец, из аланов, мертвого разговорит. Вы отдохните пока, путь у вас долгий и опасный. Нет ещё у нас порядка на дорогах. Ну и дела?! Получается, что

даже казацкая сотня и то не может обеспечить себе безопасный проезд.

Хорошо, Петро. Сейчас я удвою караулы и спать! Только если пленник останется жив после твоего допроса, отдай его мне?

Договорились!

Ночь прошла спокойно, без происшествий. Ранним утром Мусу и Касима, с большим трудом, разбудил караульный.

Над синим озером поднимался легкий туман. Лягушки уже закончили свои песни и передали вахту дневным птицам. Дежурные тушили костры водой из кожаных ведер. Все было упаковано, лошади оседланы и уже нетерпеливо перебирали ногами, желая размять застоявшиеся за ночь мускулы. Осталось подать команду и отряд продолжит свой путь. Но Муса медлил. Наконец он вспомнил разговор с Петром.

Ицхак! Петр не присылал пленного? Или может письмо, записку какую-нибудь?

Нет, атаман!

Странно, неужели пленный умер при допросе?

Очень возможно, атаман.

Понимаю, но хоть бы сообщил, что удалось из него выжать?

Атаман, веди отряд дальше, а я сгоняю в станицу и выясню всё!

Давай! Сотня! Айдаааааа!!

Отряд двинулся по лесной дороге в прежнем порядке.

Муса и Касим ехали рядом, ночное происшествие сблизило двух молодых воинов. А ритуал братания кровью тоже был не пустой формальностью, а очень серьёзным шагом.

Ицхак догнал их через час. Он, молча, сзади, подскакал к сотнику и стал ждать, когда тот обратит на него внимание.

Говори Ицхак!

Петр отпустил пленного, атаман.

Что! Как отпустил?! Почему?

Этот разбойник показал ему пайцзу.

Какую пайцзу?!

«Божье дело».

Так этот бандит из дружины митрополита?

Получается, что так.

Но Петро хоть выяснил, зачем они напали на нас?

Он не успел выяснить. Тот сразу показал пайцзу и ушел.

Наверное, ограбил какого-нибудь знатного дружинника и присвоил себе его пайцзу. Нельзя было отпускать его!

Ты знаешь Петра, он разумный казак, глупости бы не сделал. Я говорил с его заместителем Арье, тот уверен, что Петро поступил правильно. И ещё, он просит тебя быть как можно осторожнее в пути. Он тоже ничего не понимает, но у него плохое предчувствие. И он предлагает сменить маршрут. На Москву есть и другие дороги.

Ладно. Пойдем через Мещеры, но об этом сейчас никто не должен знать. Дойдем до кабацкой развилки и повернем направо.

Понял, атаман!

Ицхак, в знак согласия вскинул вверх руку с плеткой и присоединился к отряду.

Развилка дорог называлась кабацкой, потому, что на скрещении двух дорог стоял большой двухэтажный постоялый двор с корчмой и обширными конюшнями. Здесь хорошо кормили простой и обильной пищей. Ещё лучше поили, принимая в оплату все, что мог предложить попавший сюда путник. Монеты любой страны, драгоценности, шелка, пряности, оружие – любой товар. Все потом продавалось оптовым торговцам, а те в свою очередь перепродавали на рынках Москвы, Твери, Владимира или увозили полученное дальше, в Литву и германские княжества.

Держал постоялый двор старый литвин Вилкас со своими многочисленными родственниками. Молодые литовцы, вооруженные до зубов, несли караул вокруг обширного двора и мрачного двухэтажного здания гостиницы и трактира. Их жены, сестры и дети обслуживали постояльцев, большинство из которых были купцами, воинами, гонцами и прочими путешественниками. За молодым сосновым лесом стояла небольшая деревня, снабжающая трактир овощами и свиной. Путешественникам, не употребляющим в пищу мясо этого животного, предлагалась говядина или лесная дичина. Выбор горячительных напитков был небольшим – брага, мёд, пиво, греческое вино, вот и все, что могло согреть, порадовать и повеселить сердце одинокого странника.

Муса расположил сотню недалеко от дороги, раскинув лагерь по навсегда определенному уставом принципу. Казаки сразу поставили караулы, потом разожгли костры и начали готовить горячий кулеш, заправляя его жирным мясом убитого накануне кабана. В походе, мясо этого животного считалось чистым, и годилось в пищу. Тем более что среди казаков было много православных, употребляющих свинину в любое время. Муса, Касим, Ицхак и несколько десятников пошли в корчму – хотелось посидеть за столом, и, самое главное, послушать новости.

Их встретил сам хозяин Вилкас прямо у входа. Он взялся за отполированную тысячами рук дверную ручку и, распахнув дверь, сказал:

Проходите дорогие гости! Рады вам. Отведайте нашего угощения. Сегодня только для вас жареные глухари, наштигованные мясом перепела, пироги с брусникой, малиной, мясом, репой, бараний бок на вертеле и ещё много чего. Есть чем вас порадовать.

Привет, Вилкас, старый разбойник, знаем мы, из чего ты готовишь бараний бок! Из старого козла! А греческое вино делают прямо здесь в подвале? А? – хлопнув хозяина по мощному плечу, засмеялся Ицхак.

Здоров будь, Ицик, славный воин. Ты ещё не стал есаулом? Во всем ты прав, но, бараний бок действительно отрезали не у козла, а у молодого барашка, который пасся на лесном пастбище староверов. Поэтому мясо имеет запах лесных

трав и цветов. А вино разливают тут же в подвале, но из бочек, которые привезены цареградскими купцами.

Да ты же никогда не признаешься! Ладно, подавай на стол все что есть, самое лучшее, и сам приходи, расскажешь новости.

Когда-то, очень давно, Вилкас был молодым и сильным воином в дружине литовского князя Ольгерда. Литва постоянно воевала. Иногда литовские князья объединялись с русскими и нападали на татар, болгар или на своих соотечественников ставших, по общему мнению, на тот момент, слишком богатыми и влиятельными. Часто литовцы объединялись с бывшими врагами – Ордой, для нападения на русских князей, или с русскими для нападения на ордынцев. Все диктовалось сиюминутной политической и экономической выгодой.

Набеги были сокрушительными и быстротечными. Налетит стремительно литовское войско, например на владимирского князя, пожжет, пограбит, вырежет всех сопротивляющихся, захватит пленных для продажи на рынках Кафы и Византии, и так же стремительно откатится на прежние позиции. При таком налете молодой воин Вилкас был ранен палицей в голову. Некогда было подбирать раненых, русские собрались с силами и решили отбить награбленное добро. Так и остался лежать окровавленный Вилкас без сознания, на обочине. Кто-то принял его за мертвеца, обшарил карманы, забрал оружие и все, что нашел ценного – мертвому это

не нужно.

Через две ночи он пришел в себя и застонал от боли и обиды, что приходится умирать в такие молодые годы. Эти стоны услышал проезжий крестьянин Ропша, подобрал парня, вылечил. Вилкас не захотел возвращаться в Литву – соотечественники бросили его умирать на чужбине. Женился на дочери Ропши – Зарёне и стал помогать деревенскому кузнецу. Постепенно стал отличным мастером кузнечного дела, к нему стали приезжать из далеких деревень и даже из Владимира, Твери и Москвы.

Никто не мог так быстро и умело подковать жеребца как Вилкас. А подковы его работы держались вдвое дольше, чем подковы других окрестных кузнецов. Тем временем, родственники Вилкаса решили найти его могилу и перевезти прах в Литву, но, к своему удивлению обнаружили его живого и здорового, в кузнице, на развилке нескольких торговых дорог, окруженного детьми и новыми родственниками. Не долго думая, литовцы собрали весь свой скарб, деньги и переехали на Русь. Построили сначала корчму, а потом и постоялый двор. Место оказалось очень бойким, постояльцев было много. Жили хорошо, дружно. Молодые литвины с русскими не ссорились, вместе охотились, растили хлеб и детей. В обиду друг друга не давали. Все окрестные жители знали – тот кто тронет хоть пальцем члена этой большой семьи, всю жизнь будет жалеть. Потому, что месть считалась делом священным и срока давности не имела.

Муса, Касим, Ицхак и другие воины сели за длинный, чисто выскобленный стол. Хозяин лично обслуживал важных гостей. Казаки были людьми служилыми, денежными, а значит важными.

Ну, что, студень с хреном, солонина, щи со свежиной, лапша со свининой, пироги с говядиной, баранина с кашей? Что подать дорогим гостям? – начал Вилкас

А ещё, что можешь предложить служилым казакам?

Стерляжья уха, осетры; белуга в рассоле, куры, гуси, индейки запеченные, поросята с пшенной кашей, пироги с капустой, рыбой, мясом. Растягаи двухаршинные, телятина белая, как сливки..... Кислые щи и в нос шибают, и хмель вышибают! Жаркое баранье, говяжья печень, чорба²⁶, тефтели из трех видов мяса.....

А есть ли у тебя сегодня такие румяные пирожки с бараньим мясом, луком и салом? Как там они называются?

Этайаклак! Это тюркские пирожки, сейчас сделаем! И к ним горячая чорба, с белым хлебом, а пить что будете?

Кумыс.

Черный или белый?

Черный, он для здоровья полезней. Посиди с нами Вилкас, расскажи, что нового на дороге?

Генуэзцы в Крыму собирают своих земляков, завозят оружие в большом количестве, но никто не знает, для чего. Не хотите примкнуть? Им нужна конница.

---

²⁶ чорба – тюркский суп из баранины

Эти воюют только за деньги.

Все воюют за деньги. Викинги собирают большой отряд для похода в южные страны. Уже тысячи мурманов²⁷, данов²⁸ и свеев²⁹ собрались на побережье. Готовят корабли к долгому плаванию, много припасов не берут. Как всегда, надеются на грабеж. Эти воюют не только за деньги. У них мало земли, а та, что есть, не может прокормить столько людей, сколько рожают их женщины. Вот и бродят они с мечом в руке, ищут место под солнцем. К ним пришли вольные люди из Новгорода. Все хотят золота, женщин и воинской славы. А ты чего хочешь Муса? Спорим, что того же самого!

Я и спорить не стану Вилкас! А какие новости на наших дорогах?

С тех пор как ушел Тохтамыш, разбойников стало больше. Князьям некогда наводить порядок в крае, они режут друг друга. Каждый хочет быть первым на Руси. Тратят все силы и деньги на междоусобицу, а ведь после Куликовской битвы казалось, что вся Русь вокруг Москвы объединилась. Пришел Тохтамыш и в два счета все повернул вспять, монголы, как давали ярлык на княжение, так и дают.

Но дань то не платим!

Платим. Людям легче не стало. А у Тохтамыша, говорят, в Орде, великий враг завелся. Если ему враг значит нам друг!

---

²⁷ мурманы – норвежцы

²⁸ даны – датчане

²⁹ свеи – шведы

Кто же это?

Какой-то Темир по прозвищу Хромой. Полмира уже захватил и Тохтамыша победил.

Касим, которому разговор переводил Ицхак, настороженно огляделся вокруг. Муса положил свою руку на дрогнувшую ладонь друга. Успокаивал.

Посетителей в корчме прибавилось. Родственники Вилкаса ловко и быстро обслуживали приезжих, подавали каждому, то, что ему привычно и по вкусу. Татарину – жаркое из барашка, русскому – щи и кашу, а знатым гостям готовили сложные блюда.

За соседним с казаками столом, спиной к ним, сидел молчаливый человек, одетый как русский купец средней руки в простой коричневый кафтан без украшений и мягкие яловые сапоги. Его суконная шапка лежала на лавке. Он ел жирные щи, заедая их большим куском ржаного хлеба, и запивал все это ячменным пивом из глиняной кружки. Его, казалось, совершенно не интересует разговор кабатчика с гостями. Пару раз он все же оглянулся и скользнул взглядом по Мусе и его спутникам. Мусу как булавой ударили, такой цепкий и внимательный был взор у их невольного соседа! Когда посетитель расплатился и вышел, Муса быстро подошел к Вилкасу и спросил:

Кто это?

Человек проезжий. Никогда его раньше не видел.

Узнай его имя и куда направляется.

Будет сделано!

Вилкас вышел, вытирая руки о фартук. Муса наклонился в Ицхаку, и что-то сказал ему на ухо. Помощник сотника тревожно огляделся вокруг, быстро вышел из корчмы через кухню, с черного хода.

Через несколько минут вернулся Вилкас. Лицо его выражало тревогу, руки судорожно перебирали концы не совсем чистого фартука. Муса никогда не видел такой обеспокоенности у бывалого литвина.

Что случилось, Вилкас?

Даже не знаю, что тебе сказать Муса.....

Говори прямо.

Я всегда отвечал за безопасность моих постояльцев и гостей в корчме, а теперь..... В общем, тот человек, что сидел за соседним столом, приказывает тебе и твоим товарищам выйти из дома. Если вы этого не сделаете, он сожжет все, что тут есть.

Да кто он такой! Есть ли у него право приказывать нам, свободным казакам, находящимся на службе у Великого московского князя!

Я не знаю, кто он такой, но ..... выйди, посмотри на его право.....

Муса медленно подошел к открытой двери корчмы, оглянулся на десятников и, ничего не понимающего Касима. Потом он высунул голову наружу и медленным шагом вышел из помещения. Сначала его ослепило солнце, и уши напол-

нил звук жужжащих в поле кузнечиков. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел давешнего соседа по столику спокойно стоящего и глядящего на него своим сверлящим взглядом. А за ним.....

А за ним стояла стена из закованных в броню людей, числом не менее тридцати. Эти три десятка были готовы к отражению любой атаки. Они стояли с мечами наголо и щитами на левых руках. Начищенные стальные кирасы и шлемы с опущенными забралами сверкали.

Кто вы господин, и что вам нужно? – сказал Муса

Сначала скажите кто вы!

Я сотник пограничной казачьей стражи Муса Гирей, выполняю приказ моего тысячника и следую туда, куда он мне приказал!

А что он вам приказал?

Вас это не касается, господин! Не нужно мешать нам выполнять приказ. Иначе мы будем действовать по законам военного времени.

Это значит?

Это значит, мы атакуем вас и уничтожим!

Мне нужны только вы, Муса, и те ваши товарищи, которые были в корчме. Сдайтесь нам и, тогда, возможно останетесь в живых. Вы, по своей глупости, и не понимаете, в какое серьёзное дело вы вляпались. Все мы рабы княжеские, обязаны повиноваться ему и его приказам. Я боярин Семен Бельский из Тайного приказа. Подчиняйтесь!

Вы, наверное, никогда не имели дело с казаками, боярин. У нас нет рабов и никогда не было. Более того, каждый раб, добежавший до казацкой станицы и принятый казацкой общиной, считается свободным и не выдается бывшим хозяевам. И князю мы не рабы. Наши старшины подписали договор, поэтому мы служим князю добровольно! Если у вас есть приказ о нашем аресте – предъявите его!

Не обязан. Будете сопротивляться – станете покойниками. А если и останетесь живы, то позавидуете мертвым!

Неожиданно поднялся ветер, из-за леса потянулись тучи, запахло дождем. Из корчмы на дорогу вывалились все постольцы и прислуга, во главе с хозяином – бесплатное развлечение обещало быть интересным. Самый зоркий из сыновей Вилкаса закричал, показывая за спины стоящих витязей:

Казаки, казаки! Смотрите, казаки!!!

К стоящим у корчмы людям стремительно приближалась казачья сотня, ведомая Ицхаком! С визгом и гиканьем всадники окружили три десятка бронированных воинов, и обнажила черные сабли. Чтобы не мешать своим соратникам, Муса отошел к двери корчмы, где уже обнажали сабли его десятники и Касим. Свиренное лицо боярина Бельского виделось за спинами казаков и крупами их лошадей.

Сдавайтесь, Гирей, я вам приказываю! Вам все равно не уйти от меня! Я вас убью!

И что он на меня взъелся, этот боярин? – сказал Муса подскакавшему к нему Ицхаку – Дайте мне Тулпара, а Касиму

его лошадь. Ещё пару заводных, больше не нужно. Ицхак, мы все сделаем, как договорились. Ждите нас у Боровицкой башни через четыре дня, понял?

Да, атаман! А с этими, что делать?

Разоружить, связать и три дня, чтобы ни один из них, и боярин тоже, не двинулся с места. Мне надоели все эти неожиданности.

Ты думаешь это звенья одной цепи?

Береженного, бог бережет, Ицик! Забирайте их!

Над головами казаков взвились арканы, которыми они растащили упирающихся бронированных воинов в разные стороны. С не меньшим успехом, но с большой руганью боярин Бельский и его соратники были связаны, разоружены и увезены в деревню. Там они были рассажены в разные глубокие земляные ямы по пять – шесть человек. Им предстояло провести долгих три дня, под круглосуточной охраной, на скудной пище и воде. Не убили ни одного из них. Все, кроме боярина Бельского оценили это обстоятельство. Это было необыкновенное великодушие.

*Луче есть человечесьскым деланием треба,
а не съвет*

*(В делах человеческих полезней дело, а не совет.
Менандр Мудрый IV – III вв. до н. э)*

Внук корчмаря Вилкаса вёл Мусу и Касима по необыкновенно густому, по мнению Касима, лесу, на Москву. Следующим проводником должен был стать ведун³⁰ Яромир из староверческой деревни, которому Вилкас написал записку на бересте. Что было написано в этой записке ни Муса, ни Касим не знали, так как не умели читать по-русски. А написал Вилкас следующее: «Сих отроков добре ведаю вони се честны. Им помогне».

Заливные луга сменялись густыми дубравами, непроходимая чаща – молодыми пролесками. Один раз они остановились и поели сыра с хлебом. Костер не разжигали, зачем привлекать к себе внимание раньше времени. Солнце ещё было высоко, но в лесу это было не заметно, везде царил зеле-

---

³⁰ Ведун или вещун – одаренный [битая ссылка] сверхъестественной мудростью. Происходит от слова «Ведать». В [битая ссылка] славянской мифологии ведуны – [битая ссылка] синонимы слов [битая ссылка] ведьмак, [битая ссылка] ведьма, [битая ссылка] маг. [битая ссылка] Активные ведуны [битая ссылка] практикуют [битая ссылка] волшбу ([битая ссылка] магию) и являются [битая ссылка] волхвами.

ный полумрак. Кони с трудом выбирали дорогу среди сплетения мощных корней и густого кустарника. Все больше пахло затхлой тиной, как будто неподалеку было болото.

Внезапно лес как будто бы кончился, и впереди показалась большая поляна, покрытая ярко зеленой травой. Муса уверенно направил Тулпара на эту травку, но конь наотрез отказался идти. Сотник ещё раз дал шенкелей, но конь обернулся и посмотрел в глаза всаднику. Мол, что ты хозяин, куда ты меня гонишь? Андриус – внук Вилкаса, которого Муса и Касим звали просто Андриуха, увидел это и удивился сметливости благородного животного.

Вы только поглядите! Чует, что впереди болото.... Топь страшная. Сколько здесь людей и лошадей погибло. Один раз, сам видел, прямо тут лось утонул. А ведь лоси не тонут в болоте, у них копыта очень большие! Но здесь видно и для лося место непроходимое.

А нам, куда нужно идти?

Вам туда! – парень показал прямо через зеленое море.

Так как же мы пройдем?

Яромир проведет. Он по этому болоту запросто туда-сюда ходит. Отсюда три версты не больше, их деревня стоит. Посреди болота, на острове. От этого острова, если быстро идти, то не больше двух дней пути до Москвы-реки.

Здорово! А где же он, твой Яромир? – спросил Муса Андриуса

Придет. Он уже знает, что мы здесь. У него глаза и уши

по всему болоту расставлены. Дед просил меня, вас предупредить. В деревне у Яромира вы увидите много странного, ничему не удивляйтесь. И никому потом ничего не рассказывайте! Дед за вас поручился. Если московские власти, и особенно митрополит, узнают об этой деревне, всех жителей её убьют. А Яромир убьет деда. Он может это сделать на расстоянии, даже не прикасаясь.

Не может быть!

Чистая, правда! У нас про них чудеса рассказывают. Но никто не признается, что видел кого-то из них и никогда не покажет к ним дорогу!

У них нет врагов среди ваших родственников?

Они никому не делали зла. А поклоняются старым богам – Ярило, Ладе, Стрибогу, Велесу..... Слышали о таких?

Слышал.

Дружина митрополита разыскивает таких людей по всей Руси. Если найдут – сожгут живыми!

За что?

За ересь!

Разве за это убивают?

У нас убивают. У мусульман убивают. У германцев, франков, британцев тоже убивают. Вы, что не слышали о войнах за веру?

Слышал, наши предки в древности воевали за веру, но это было давно, и я считал, что для войны есть более серьёзные причины.

Какие?

В одной из наших священных книг записано, что войны происходят не из-за того, что один царь поссорился с другим, а из-за разницы в ценах на вино, масло и хлеб.

Что! Из-за разницы в ценах происходят войны? Бред!

Только на первый взгляд. Вот смотри: предположим, в одной деревне очень много коров, значит много молока, масла и сыра. А в другой деревне мало коров, значит масла, сыра и творога гораздо меньше. В какой деревне эти продукты будут дешевле?

В первой деревне.

Значит, во второй деревне люди будут беднее, если будут тратить больше денег на продукты, правильно?

Ну-у-у, да, беднее.

И в один прекрасный момент они захотят стать богаче и захватить коров жителей соседней деревни, правильно?

Могут захотеть.

А ещё лучше захватить не только коров, но и землю соседней деревни – коров же надо кормить, а заодно и самих жителей этой деревни, чтобы пасти и доить этих коров. Понял?

Кажется..... да, понял. Значит, если где-то есть заметная разница в ценах на одни и те же продукты, то обязательно будет война?

Скорее всего, да.

А почему тогда наши правители всегда говорят, что вою-

ют за веру?

А так проще объяснить простому человеку, за что он будет умирать. Воюют за веру, а умирают за деньги. Деньги – вот что заставляет людей убивать друг друга! Все умные люди в мире это давно поняли, теперь и ты знаешь – засмеялся Муса.

А почему тогда митрополит убивает людей Яромира?

Вероятно, он хочет, чтобы ему попроще было руководить народом, а Яромир со своими староверами мешает этому. Вот ты христианин?

Да. Раб божий.

Вот! Все вы рабы божьи, а Яромир нет. В старой вере нет рабства, тогда и самого рабства не было.

А вы тоже рабы божьи?

Нет, у нас с богом договор – мы делаем то, что он нам заповедал – он выполняет свои условия договора, не делаем – он нас наказывает.

Так просто?

Так просто. Так жили наши предки, так будем жить и мы.

Путники разожгли костер и поставили на огонь котелок с чистой водой. Родники здесь били повсюду. Касим очень удивлялся этому обстоятельству. Он вырос в стране, где каждый глоток воды был на вес золота. Бросили в кипящую воду горсть крупы и несколько кусков вяленого мяса. В ноздри ударил запах горячей чорбы, на родине Касима все мужчины умели воевать, и готовит пищу.

Яромир появился внезапно, когда мягкие сумерки спустились на болото. Легкий туман, окутавший болотную траву и деревья, заглушал звуки. Поэтому шагов ведуна никто не слышал. Все случилось мгновенно: только что никого не было у кромки зеленого, похожего на луг болота, и тут же, сама собой, возникла высокая фигура в мешковатых одеждах. Костер осветил пронзительные синие глаза и длинные седые волосы. Касим и Муса вздрогнули от неожиданности. Мгновение ведун вглядывался в лица сидящих людей, потом улыбнулся и протянул руку Андриюсу:

Письмо?

Дрожащий Андриюс выложил на его ладонь драгоценную бересту. Одна минута понадобилась Яромиру, чтобы ознакомиться с содержанием записки.

Вилкас ручается за вас, значит вы хорошие люди. Рассказывайте

Долго Муса рассказывал историю появления у границ Руси царевича Касима, все неприятности, случившиеся с ними во время путешествия в пределы московского княжества. Наконец он закончил и сказал:

Я чувствую, что чья-то могущественная рука мешает нам двигаться к цели, но не могу понять, кому это может быть выгодно. Ведь не Тимур Аксак послал за нами своих людей? Он, скорее всего ещё не знает, что Касим бежал. Но что бы там ни было, у меня приказ – доставить царевича к московскому князю. Яромир, помоги мне выполнить это задание.

А кому будет хорошо, если ты доставишь царевича?

Как кому? Царевичу – князь даст ему вотчину, и его улус будет служить Руси, так же как мы, казаки ей служим. Мне будет хорошо – я выполню приказ и доставлю удовольствие названому брату. И, наконец, это хорошо для Руси – у нас будет отличная татарская конница.

Ты не глуп. Но есть ещё один маленький, но существенный нюанс – есть кто-то, кто знает все, что происходит в стране и за её пределами. И этот кто-то может предположить, что лучше отдать царевича Тимуру, чем Тимур придет сюда и заберет его сам. Как тебе эта мысль?

Этого не может быть, русские никогда не выдавали тех, кто просил у них убежища.

Это правда, раньше не выдавали.....

Ты нам поможешь?

Я доставлю вас в нужное время в Москву – это все, что я могу сделать.

Большого и не надо!

Сейчас мы пойдем через болото. Следите за моими ногами и наступайте точно в мой след.

А как же лошади?

Они останутся здесь, в нужное время их приведут вам.

Идем, друг.

Андрюс попрощавшись с Касимом и Мусой, двинулся в обратный путь. А сотник и царевич напряженно смотрели, как Яромир осторожно наступает за зеленую травку болота.

Трава с хлопанием разверзлась под ногой и он, по колению в зеленой воде, тронулся в путь. Касим и Муса, двинулись следом.

Они шли долго, несколько раз меня направление. Темнота сгущалась и, скоро, Яромиру пришлось зажечь факел, чтобы казак и царевич шли за ним. Любой путь имеет начало и конец, пришел момент и они ступили на твердую землю. Стало совсем темно, когда Яромир передал их и чьи-то мягкие, пахнувшие лесными травами руки. Их куда-то повели и уложили на широкие лежанки, застеленные мягкими звериными шкурами. Сильная усталость сковала их глаза, и они погрузились в крепкий сон, без сновидений.

Муса проснулся раньше всех. Походная жизнь приучила его к умеренному сну и еде. Он встал и огляделся. Гладкие глиняные стены, мерцающие красным огнем угли в обширном очаге. На стене никакого оружия, только шкура медведя с распахнутой зубастой пастью. Лежанка покрыта мягким бараньим мехом. Рядом, на другой лежанке спит Касим. Видно, что вчера сильно устал – успел только сапоги скинуть, да так и повалился прямо на постель, не отстегнув саблю и кинжал. Вдоль стен установлены широкие лавки, а посередине длинный деревянный стол. Касим во сне почувствовал, что на него смотрят, открыл глаза, улыбнулся другу.

Салом, Муса!

Доброе утро, Касим! Учись говорить по-русски. Повтори!
Доброе утро!

Очень хорошо. Вставай, осмотримся.

В то же мгновение, как по команде, в комнату вошли две девушки в платьях из белого домотканого льна, подпоясанных длинными красными кушаками. В руках у одной из них был большой каравай хлеба, завернутый в чистое белое полотенце. У другой – небольшой закрытый крышкой котелок и две глиняные ложки. Поставив все это на стол, девушки молча вышли.

В котелке оказалось парное молоко, и Муса накрошил в него свежее испеченного хлеба. Он и Касим, двумя ложками, быстро справились с завтраком. Едва был сделан последний глоток, в комнате появился Яромир.

Хотите осмотреться, дустлар³¹?

Конечно, хотим! Муса, он говорит по-нашему! – обрадовался Касим

На Руси все говорят и по-русски и по-тюрки, – улыбнулся Яромир – веками рядом живем. Выходите из землянки. Покажу много интересного.

Они вышли из помещения действительно оказавшегося глубокой землянкой, с входом, выложенным из бревен и обложенным дерном. С расстояния нескольких шагов вход в жилище казался просто болотным холмиком. Вокруг было несколько десятков таких холмиков, но ни одного человека.

А где же люди?

Сейчас все в капище, встречают рассвет.

---

³¹ Дустлар – друзья (тюрк.)

А нам можно?

Не стоит, друзья. Зато чуть позже обещаю вам много интересного.

Яромир повел гостей к самому высокому входу. Они очутились в очень большом помещении, напомнившую Мусе избу для собраний главного атамана казарского войска. В комнате было пусто, но очень чисто. На полу расстелены циновки, сплетенные из камыша. Через некоторое время в землянку стали приходить, небольшими группами, жители староверческой деревни. Это были люди разного возраста, но стариков и старух Муса среди них не заметил. Мужчины, женщины, девушки и парни рассаживались на циновках и тихонько переговаривались между собой.

Яромир и гости устроились, скрестив ноги, на центральной циновке у восточной стены. Когда собрались все, Яромир представил гостей жителям деревни и распределил всех по различным работам. Кому-то нужно было идти на охоту, кому-то обрабатывать общинный огород, кому-то строить погреб. Остальным же было сказано – учение. Зал покинули все. Муса и Касим были не удивлены. Но им было очень интересно увидеть, чему и как обучаются живущие на болоте староверы.

Молодые мужчины и женщины входили в зал, стараясь сделать это с правой ноги. Каждый вошедший кланялся залу, Яромиру, и вставал в строй. Свободные белые одежды не стесняли движений. Циновки лежащие на полу были

сдвинуты таким образом, что стать единым покрытием. Когда все, кто должен был придти, заняли свои места, Яромир встал, поклонился и сказал:

Сегодня у нас в гостях сотник Муса и царевич Касим. Вчера ночью я общался с Богами, и мне было сказано – это очень достойные и честные люди. Мне открылось, что они принесут много пользы нашему народу и дадут ему возможность возродиться. Поэтому я решил показать и рассказать нашим гостям то, что мы обычно не рассказываем и не показываем никому. Садитесь и слушайте!

Все присутствующие сели на циновки скрестив ноги и приготовились внимательно слушать.

Когда-то наш народ, мещёры, жил в прекрасной и теплой стране. Там никогда не было зимы, круглый год цвели разноцветные и благоухающие цветы. Мы занимались земледелием и были все сыты, потому, что земля и солнце позволяли трижды в один год собирать урожай! Но потом с юга пришли злые и беспощадные завоеватели, которые поработили наш мирный и добрый народ.

Захватчики боялись восстаний и потому запретили нам иметь оружие. И тогда мещёры придумали, как сделать оружие без металла и дерева. Каждый человек должен был стать оружием, а его руки и ноги стальными клинками. Наши предки придумали несколько способов боя без оружия. Первый способ борьбы называется «кулак грома». В этом виде борьбы основное значение имеют очень быстрые и мощные

прямые удары кулаком, хотя есть и броски.

Боевая основная стойка – с руками сжатыми в кулаки, скрещенными внизу живота. Одна рука использовалась только для нападения, а другая – исключительно для защиты. Мы расширили возможности «кулака грома» и вооружили бойцов короткими стальными дубинками – «вагами». Эти дубинки настолько малы, что их легко спрятать под любую одежду.

Иллюстрируя рассказ учителя, две девушки вышли на середину импровизированного ковра и, по команде Яромира «Ярило!» – начали бой с «вагами». Они стремительно, но чрезвычайно мягко, двигались, на согнуты в коленях ногах, ваги мелькали в их руках с такой скоростью, что зрители успевали заметить только искры, которые они высекали, ударяясь, друг о друга. Муса подумал, что не хотел бы быть на месте монгола или русского ратника напавшего на одну из них. Не много времени потребовалось бы любой из этих стройных девушек, чтобы уничтожить нападавшего. Но ..... что-то все-таки смущало его. Потом он понял.

Атака была буквально взрывоподобной – каскад молниеносных ударов на разных уровнях. После такого взрыва волей-неволей наступала пауза, так как боец в значительной мере растрачивал силы. Чередование «взрывов» и пауз могло длиться долго, «взрыв» тоже заканчивался не сразу, сохраняя определённую продолжительность, а пауза отнюдь

не сводилась к бездействию, просто схватка теряла активность, становясь скорее оборонительной. Но в массе своей поединок был одноступенчатым: если противник выдерживал первые несколько десятков секунд бешеного натиска, то плохо приходилось уже атакующему, который безрезультатно измотал себя... Отмечая слабые стороны борьбы, Муса решил пока не говорить о них, Яромиру. А тот продолжал рассказывать:

На нашей старой родине было восемь самых свирепых и уважаемых животных: слон, лев, тигр, лошадь, дикий кабан, боевой петух, буйвол и очень ядовитая змея – кобра. Предки внимательно наблюдали за их движениями и создали восемь видов борьбы голыми руками. И назвали их по названию соответствующего ему животного.

У вас совсем нет приемов с оружием?

Есть и очень много. Когда наш народ переселился в эти места, он перенял все навыки местного населения. Но наше оружие всегда небольшое, легкое и многофункциональное. Велко принеси меч!

Молодой парень бегом принес небольшой меч, форма его показалась казаку странной.

Видишь какой. Собрали в пучок прутья разного железа и проковали. Клинок выдерживали в болоте три года. Потом сковали меч, закалили в медвежьем жире. Отполировали. Разрубает свежую берцовую медвежью кость вдоль! Ручка простая, длинная – можно держать одной рукой, а можно

и двумя. Видишь кнопочку?

Вижу.

Направь рукоятку на стену и нажми её!

Муса сделал все, так как велел Яромир. В основании рукоятки открылось отверстие, из которого вылетела маленькая оперенная стрелка. Острый как жало пчелы кончик стрелы впился в бревна стены. Муса хотел выдернуть её из стены, но Яромир остановил его.

Осторожно! Стрела отравлена! Мы покажем тебе все наше оружие и все виды единоборств. Ты должен знать наши возможности. Боги сказали мне, что благодаря тебе мы станем нужными русскому князю. Это значит, что нас перестанут преследовать. Мы многое умеем. Это касается не только боя с прямым контактом. Смотри, такого ты нигде не увидишь!

Яромир пошел к Касиму протянул руку с раскрытой ладонью в его сторону. Касим спокойно смотрел на учителя староверов. Вдруг Муса увидел, как от ладони ведуна оторвался переливающийся синий шар и полетел в сторону царевича. Удивленный Касим застыл как вкопанный. Шар быстро долетел до его тела, превратился в молнию и с треском отбросил молодого воина к соседней стене. Молодой человек упал как подкошенный, глаза его были открыты, но выражение их было совершенно бессмысленно.

Что с ним, Яромир!

Не бойся, через несколько минут он придет в себя.

Но..... если бы я захотел.....

Ты мог бы убить его на расстоянии выстрела стрелы?!
И даже на гораздо большем расстоянии.

Тогда почему вы не убьете всех своих врагов?

Всё сложнее, чем ты думаешь. Вместо одних врагов придут другие. Они будут придумывать хитрые способы, чтобы узнать наши секретные приёмы и убьют с их помощью много ни в чем неповинных людей. Ты понял меня, сотник Муса?

Понял.

Ну, иди, поешь и отдохни. А твоего друга отнесут в жилище мои люди.

Спасибо тебе, Яромир. Никогда ничего подобного не видел!

Все что мы тебе показали, и что не показали, достигается годами тренировки и полного отрешения от обыденной жизни. Обучение состоит из четырёх этапов. Первый, «детство боя», включает в себя физические упражнения, направленные на развитие силы, реакции, и обучение техникам массажа. Второй этап – «юность боя» – включает в себя работу с деревянным оружием. Шест длиной около двух метров, с ручкой на одном конце и шарообразным утолщением на другой. Третий этап – «зрелость боя» – включает в себя работу металлическим оружием. Меч, меч и щит, два типа ножей, кинжал, копьё. «Плеть Стрибога» – гибкий меч. «Катар» – кинжал с рукояткой в форме буквы «Н» или «А». Его держат за поперечину «буквы», а её продольные стороны

служат наручами, защищая с двух сторон предплечье.

На середину зала вышли три молодых парня, поклонились друг другу и начали бой. Двое нападали на одного, причем один из нападавших был вооружен боевым топором, а второй копьём с широким как меч лезвием. Муса, как замороженный смотрел за мельканием оружия в руках нападавших, ежеминутно ожидая, что будет нанесен последний завершающий удар, и обороняющийся боец будет убит. Но этого не происходило. Схватка продолжалась уже десять минут, пятнадцать, двадцать! Наконец, Яромир дал команду: «Стой!» и бойцы, тяжело дыша, замерли на месте. Муса взглянул в глаза Яромиру.

Яромир, твои воины знают секрет замедления времени?!

А ты, казак, откуда знаешь об этом приеме? – на этот раз удивился Яромир

У нас в станице живет китаец Ли Цидань, он научил меня. Открой мне секрет, что за шар вылетел из твоей ладони и свалил Касима?

А никакого шара не было!

Но я сам видел!

Ты видел, только то, что я хотел, чтобы ты видел. Понятно? Я представил себе, что смотрю твоими глазами..... А ударила Касима ..... в общем я представил себе, что из моей ладони выросла ещё одна рука, вот эта рука и ударила его. Тебе ясно, Муса? Этому учатся с самого детства.

Научи меня!

Не могу. Это долго. Зато тебе покажут 50 точек на теле человека, воздействуя на которые можно его убить. А есть удары, которые могут вызвать смерть человека через заданное время. Вечером я пришло к тебе ведьму, она научит.

Ведьму?

Не бойся. Ведьма – это от слова ведать, знать. Она много знает, много умеет. Когда-то у нас были священные книги, они так и назывались «Веды». Там были описаны все знания наших предков. Мы тогда жили не на болоте, а среди людей. Дружинники московского князя сожгли святые книги, с тех пор нас преследуют несчастья. Мы никогда не показывали постороннему человеку эти пятьдесят точек. Тебе покажем.

Почему ты мне так доверяешь?

Боги сказали – ты принесешь нам удачу.

А они не сказали, как я это сделаю?

Веселый ты казак, сильный и веселый. Я не сержусь на тебя, нет в тебе лжи. А веселье – это от молодости и здоровья. Постарайся остаться веселым, когда молодость пройдет.

Касим пошевелился, сел на циновку, помотал головой, приходя в себя. Потом улыбнулся другу и присутствующим. Все невольно улыбнулись ему в ответ. Молодые староверы проводили друзей к чистому ручью. Там можно было искупаться, постирать одежду и полежать на теплом песчаном берегу. Вместе с потом путешественники смыли с себя усталость последних дней и ночей. Можно было расслабиться, здесь им никто не угрожал.

Глубоким вечером, когда Муса и Касим уже никого не ждали, в дверь тихонько постучали. Огонь в очаге заметался, отбрасывая тени на стены. По землянке, пронесся легкий ветерок, сабли, висящие на стене, закачались, и вошла ..... Муса не поверил своим глазам! Касим смотрел на гостью широко открытыми глазами. Одновременно два друга выкрикнули ..... разные имена! «Майя!» – крикнул Муса, «Гузель!» – крикнул Касим. Девушка весело рассмеялась и, Муса увидел, как его любимая, красавица Майя стала постепенно приобретать черты совсем другой женщины. Густые рыжие волосы незнакомки были стянуты на затылке зеленой лентой, большие миндалевидные зеленые глаза смотрели весело и задорно. Стройная фигура была закутана в балахон неопределенного цвета и формы. Вероятно, Касим увидел ту же картину, что и Муса, об этом говорила выражение его лица. Он повернул голову и посмотрел сотнику прямо в глаза, как бы говоря: «Ну и чудеса у вас на Руси!». Для казака это тоже было чудом.

Здравы будьте молодцы! – сказала вошедшая – меня прислал Яромир, родители назвали Заглядой. А как вы называть будете, вам решать.

Но я же видел, красавицу Гузель, любимую свою, дочь главного кази³² города Самарканда! – сказал Касим – это что, такой фокус?

Никакой это не фокус. Прежде чем войти сюда я предста-

---

³² кази – мировой судья в Маверанакхе

вила себе, что каждый из вас увидит свою любимую девушку, так и получилось.

А что ты ещё можешь?

Очень многое. Но сюда я пришла для того, чтобы показать жизненно важные точки на человеческом теле. Трогая и надавливая на эти точки можно избавляться от болезней, плохих воспоминаний. А можно заставить себя или другого человека полюбить кого-то. И, например, можно убить медленно или быстро. Сейчас!

Из глубины своей одежды, девушка достала три пузырька с красной, синей и черной, красками. Три кисточки легли на стол рядом с пузырьками. Муса разделся, благо стеснение перед обнаженным телом казарам было неведомо, и Загляда поставила на его теле пятьдесят точек разными красками. Черная краска означала смерть, синяя – сильное повреждение тела, красная показывала, что, воздействуя на эту точку, можно на время вывести человека из строя. Несколько часов друзья заучивали расположение точек на теле. Потом Загляда показала, как складывать пальцы для воздействия на них.

На черную точку почти всегда достаточно надавить одним пальцем, средним. В синюю нужно ударить пальцами, сложенными наподобие петушиного клюва. Вот так! В красную точку лучше всего ударить кулаком. А теперь подойдите ко мне оба! Смотрите мне в глаза! Вы НИКОГДА и НИКОМУ не покажете того, что показала я вам сейчас! Слышите меня?!

Слышим! – хором ответили воины

Теперь спать! Завтра утром вы проснетесь свежие и бодрые. Наши юноши поведут вас в Москву. Спать!!

Муса и Касим рухнули на свои лежанки как подкошенные. Утром они проснулись в прекрасном настроении и полными сил, позавтракали и вышли на свежий воздух.

Утренний туман расстилался над бескрайним болотом. Первые лучи восходящего солнца золотили верхушки деревьев и заставляли, свежую листву поворачиваться, ловя жизненное тепло. Ночные болотные огни и звуки остались только в памяти людей. Начинался новый день, новая жизнь, новые заботы и хлопоты.

Сотник и царевич были одеты просто и удобно, доспехи и оружие сложили в заплечные мешки и крепко привязали за спинами. В руках у них были длинные посохи, вырезанные из прочной осины. Удобные палки в любой момент могли стать оружием. В каждую из них были врезаны короткие мечи. Под одеждой друзей скрывались кожаные кисеты, наполненные маленькими стальными дисками с заостренными кромками. Только на одном краю этого страшного метательного оружия не было яда, остальные были смазаны растительной пастой, вызывающей мучительную смерть при попадании в открытую рану.

Яромир постарался дать своим гостям все, что мог. Не прошло и нескольких минут, как старшина деревни и главный жрец Ярило-Солнца сам появился из-за ближнего

дерева. С ним вместе шли два крепких парня, с такими же, как у друзей посохами и с какими-то плоскими, плетеными из ивовых прутьев, твердыми циновками. Яромир сказал:

– Друзья мои! Снежко и Твердыта проводят вас до самой дороги к городским воротам. Там же вас ожидают ваши кони. По болоту пойдете в этих «ступнях». Лось в болоте не тонет, потому, что у него копыта широкие, и вы не утонете. Помните все, что мы вам показали, чему научили. Если понадобится, в Москве есть трактир, держит его наш человек по имени Душан, по христиански – Даниил. Скажете ему тайное: «Меч язвит тело, а злое слово – ум», и он найдет кого надо. Там, в Москве скажете, что мы тоже у Руси в сыновьях! Хотим, полезны быть.

Добро, Яромир!

8

*Блажен есть сей, емуже ся случи друг
известь*

*(Счастлив тот, кому повезет с верным другом.
Русская поговорка IV в. до н. э)*

Снежко жестами приказал Мусе и Касиму одеть «ступни» на ноги и встал во главе отряда. Твердыта стал замыкающим. Они двинулись через болото, наступая след-в-след. Любое отклонение было опасно и поэтому, друзья быстро перестали любоваться красотами русского леса. Все их внимание было направлено только на то, чтобы максимально точно ставить ногу в след, оставленный Снежко.

Пение утренних птиц, громкое кваканье лягушек, крики болотных птиц, раздававшиеся время от времени – ничто не отвлекало их от одного желания – не утонуть в этой чавкающей и затягивающей зеленой массе! Один раз Муса неловко поставил ногу на веселую, покрытую зеленой травкой кочку, но.....кочка быстро опустилась, под тяжестью ноги сотника и тот почувствовал, что не может сделать ни одного шага. Болото держало его за ногу и тянуло вниз. Идущий сзади Твердыта ухватил Мусу подмышки и резко дернул вверх. Муса благодарно улыбнулся своему безмолвному спасителю, но тот посохом показал: «Вперед!». И пришлось

продолжить путь.

Через несколько часов они были настолько измотаны, упали около костра, разожженного Снежко и крепко заснули. Их разбудили через час и заставили выпить по чашке бульона сваренного из убитых Твердятой куропаток. Горячее варево дало им силы на борьбу с болотом до самого вечера, опустившегося на опасное разнотравье мягким сумраком. В течение нескольких минут Снежко и Твердята построили шалаш и разожгли костер. Все делалось молча и споро. Касима и Мусу это не удивляло. Они знали, что их провожатые проходят процедуру посвящения в ведуны, и поэтому целый год не могут разговаривать с посторонними людьми.

Зато Касим говорил, почти не переставая. Ему хотелось рассказать своим спутникам, как его Родина прекрасна и удивительна. В самых ярких красках он описывал сверкающие разноцветные купола Регистана в Самарканде. Бесконечные торговые ряды его рынков, где продавалось всё, что только могло делаться или произрастать на Земле.

Если в Самарканде, на рынке, чего-то нет – говорил царевич – значит, этого или не существует, или не должно быть вообще!

Он рассказывал о том, какой добрый и трудолюбивый народ живет на земле Мавераннахра. Какой они выращивают виноград, персики, инжир. Какая душистая трава растет в горах Памира и Тянь-Шаня, и какое вкусное мясо у барашков, пасущихся на склонах этих гор. Снежко и Твердята уже

давно спали в шалаше, а Муса внимательно слушал друга. Касим замолчал, а сотник продолжал смотреть на него долгим и слегка отсутствующим взглядом.

О чем ты думаешь Муса? – спросил царевич друга.

Я вспомнил рассказ Ли Циданя, про одного китайского императора которого звали Цинь. Он много воевал в своей жизни, очень много. А у китайцев есть обычай не брать пленных, чтобы ни кого не кормить потом. Поэтому у Циня стало очень много врагов. Несколько знатных родов его противников в борьбе за власть объявили ему кровную месть. Покушения следовали одно за другим. Так было, пока император не придумал одну очень хитрую вещь.

Какую вещь, Муса – царевич Касим явно заинтересовался

Его главный визирь стал разыскивать двойников императора по всей стране. Как только находил, человека сразу же забирали в императорский дворец. Двойников обучали говорить, ходить, смеяться точно так, как это делал император Цинь. Их одевали так же как императора и отправляли на все официальные церемонии. Никто не мог знать, кто сейчас присутствует на параде или суде – император или его двойник. Рассказывают, что двойников у Циня было очень много – несколько десятков. Покушения продолжались, но погибали всегда двойники императора, а не он сам. И, знаешь Касим, он дожил до глубокой старости!

Ты хочешь сказать....?

Именно так, Касим. Как только Тимур узнает о твоём по-

беге.....

Думаю, он уже знает!

И я так думаю, мы уже порядком крутимся на пути к Москве. Как только он узнает о твоём побеге, сразу же постарается вернуть тебя обратно. А если вернуть не удастся, что сделает?

Пошлет палача с шелковым шнурком. Если я сам не повешусь на этом шнурке, то палач удушит меня им.

У вас так делается?

Именно.

Ну, сюда палача он вряд ли пришлет, а вот убийц к тебе подослать вполне может. Значит нужно перенять полезный опыт китайского императора. На время. Пока Аллах не забереет Тимура в рай. Как это у вас там, гурии, арыки³³, текущие вином, что ещё?

Ангелы, поющие прекрасные песни...

Вот-вот, у христиан тоже ангелы, но, вероятно, какие-то другие.....

Прошу тебя, не допускай богохульства, друг. Но я тебя понял. Как только получу удел под свой улус, сразу буду искать двойников. Поможешь мне?

Конечно. Двойников нужно как можно больше. Устроим состязание со старым амиром – кто позже окажется в раю! У тебя есть шансы победить!

Друзья веселились от души. Они даже не знали, что

---

³³ арык – узкие оросительные каналы в Центральной Азии

их ждет в конце этого импровизированного соревнования.
И не могли знать.

*Трапезу многобрашную вазнь предъставит,
удобну же целомудрие. (Трапезу, обильную
яствами жизнь предоставит, умеренную же
воздержанность. Демокрит)*

Лес стал более редким, дубы и березы сменили сосны и ели. Наконец Снежко остановил маленький отряд на краю большого распаханного поля. Лагерь ставить не стали. Проводники обняли сотника и царевича, махнули рукой в сторону заходящего солнца и растворились в противоположном направлении. Муса и Касим пошли на запад. На краю поля они обнаружили огороды и вросшие в землю избы.

В надежде на ночлег и еду, путники решили зайти в самую большую, крытую свежей соломой избу. Хозяин, коренастый, длиннобородый, крепкий мужик жестом приказал всем домочадцам вооружиться, что они и сделали, не мешкая, похватав для этого подходящий домашний инвентарь. Муса и Касим улыбаясь, показали голые руки. Не опуская вилы и цепи, крестьяне подошли в странникам. Говорил хозяин дома:

Куда путь держим, люди добрые?

В Москву. Вы не знаете, у кого тут можно коней купить?
Мы хорошо заплатим. – сказал Муса

А вы, я смотрю, смелые парни!

Не трусы, а почему ты так решил?

Никогда не нужно говорить, что, мол, хорошо заплатить можем. Нас шестеро здоровых мужиков, а вас двое. Налетим, в землю забьём. Все, что ваше было, станет нашим.

Так нельзя. Мы княжеские казаки. Нас разыскивать будут, да и отомстить за нас могут. Так, что насчет коней?

Сейчас приведём. Понравятся, заплатите. Нет, так пешком пойдете. – Хозяин дома махнул рукой своим близким. Те опустили цепи, вилы и дубины и заулыбались Мусе и Касиму. Двое белоголовых подростков молча вывели из сарая... это было просто чудо! Ребятишки вели под уздцы оседланного Тулпара и коня царевича! Побратимы бросились обнимать и осматривать своих любимых четвероногих друзей. Кажется, все было в порядке: лошади были сыты, ухожены и веселы. Ещё два паренька постарше тащили из того же сарая оружие и вьюки. Муса спросил хозяина жилища:

Так что ж ты сразу не сказал, мол, жду вас давно и кони ваши сыты, и сабли целы?

А кто знает, вдруг ошибка выйдет? Мне сказали, что два татарина из леса выйдут, им всё отдать. А на вас казацкая одежда. Среди казаков татар много, кто ж вас разберет.

Как сообразил?

Меня предупредили, что один из татар – синеглазый. Рискнул.

Правильно рискнул. Заплатим.

А вот этого не нужно. Яромировы люди просили, им отказа нет.

Чего так?

Боюсь и люблю. Старых богов боюсь, а староверов люблю. Не дай Бог заболит кто из моих, они вылечат. Меня Гордыта зовут, крещен Федором. Сейчас велю баньку истопить.

Ты, Федор, нам лучше дорогу на Москву укажи.

А вот она дорога, мимо моего двора и идет. Не стоит вам на ночь глядя вдвоем ехать. Шалят там тати. Оставайтесь. Утром поедете.

Хорошо. Бросьте нам сена в сарае, где кони наши. Там спать будем. Утром с рассветом нам ехать нужно, чтобы днем у Боровицкой башни быть.

Идите в дом, поешьте, чем бог послал.

Друзья поели пареной половы и улеглись спать на мягком душистом сене, положив на него плащи. Ранним утром парень-проводник по имени Иван, веселый и разговорчивый повел их к столице княжества, стольному городу Москве. По дороге он болтал с побратимами на русском и татарском языках, не обращая внимания на красоты природы открывающиеся вокруг. К обеду Иван вывел их в берегу реки Москва, показал, где обычно отсиживается перевозчик Богдан и, взяв с Касима слово, что царевич возьмет его в свою дружину, исчез в зеленом сумраке дремучего леса.

Величественное зрелище открылось путешественникам. За рекой возвышалась грозная, в несколько человеческих

ростов, каменная стена, укрепленная по углам башнями. За стеной виднелись церкви и монастыри с золотыми головами, а вокруг было видимо-невидимо домов, домишек, церквей с головами попроще.

То там, то тут виднелись следы разрушений и прежних нашествий. Ведь после Куликовской битвы, где погиб цвет русского воинства, передышка случилась совсем небольшая – два года. Прошло всего два года и налетел Тохтамыш, разграбил все, что ещё оставалось ценного. Князь Дмитрий Иванович бежал тогда из Москвы и попытался собрать хоть какое то ополчение, но не смог. И опять стала Русь дань платить ордынцам. Чтобы заручиться дружбой с Литвой, отправил князь туда своего сына Василия. А тот сумел понравиться литовскому королю Витовту. Умен был, не по возрасту серьёзен. Дочь Витовта Софья, тоже заглядывалась на русского княжича. И когда Дмитрий Иванович заболел, не захотел Витовт так просто отпускать Василия. Поставил ему условие: отпустит, если сын московского князя женится на Софье Витовтовне. Сыграли свадьбу. В Москву приехал княжич уже женатым человеком.

Касиму большие города были не в диковинку, он волновался и думал только об одном: как примет его московский князь. Друзья переехали на другой берег реки и двинулись в сторону Боровицкой башни. По дороге они встречали огромное количество разных людей. Крестьяне везли продовольствие на рынки большого города, ремесленники торопи-

лись отправить на продажу в столицу свою продукцию.

Бригада плотников с топорами за поясом, искала подрядчика нанявшего их для ремонта городской стены. А по пути были лавки, лавчонки, лабазы, склады – где покупателю предлагалось все, чем богата русская земля. Разнообразные меха и изделия из них, кожи, ткани, пшеница, посуда глиняная и деревянная. Битая птица, живые овцы, напитки и горячие пироги. Перечислить невозможно.

У Боровицкой башни друзья спешили и пошли, ведя лошадей «в поводу». Касим, более чем Муса привыкший к большим городам, старался найти в толпе хоть одно знакомое лицо и, наконец, локтем ударил в бок Мусу.

Муса-ака, глянь, это случайно не Ицхак?

Точно, он! Пойдем скорее.

Радостный Ицхак уже заметил спутников и бросился их обнимать и хлопать по крутым плечам. После этого он сказал:

Поехали быстрее. Мы лагерь поставили на Воробьевых горах. Приведете себя в порядок и к князю Василию, представляться. От него уже приходили, справлялись, где сотник и ордынский царевич.

И что ты сказал?

А я что? Сказал, на охоту поехали.

А они?

Княжеский человек ругался сильно. Сказал, что казаки слишком воли много взяли. Вместо того, чтобы князю слу-

жить – охотятся.

Ещё что?

От митрополита приходили.

А этому что нужно?

Этому нужен только Муса Гирей, сотник казацкого войска, лично.

Вот это да! А ему что сказано было?

Да, то же. На охоте мол, скоро будет.

К кому первым идти, как думаешь?

Кто у нас главнее – князь? К нему первому идти.

Да, задача. Ну, может быть ты и прав.

Они приехали в казацкий лагерь на Воробьевых горах. На большой поляне стояли палатки казацкой сотни. Палатка атамана, как всегда была в центре круга. Вооруженные бойцы несли круглосуточный караул вокруг этого временного поселения. Все было так, как предписывали незыблемые правила. Отступления от них грозили бедой и смертью не только в Диком Поле, но и рядом с большим городом. Муса, больше по обязанности, чем из опасений проверил посты и скомандовал:

Пошлите человека к князю Василию, в посольский приказ! Царевич Касим, потомок Чингисхана, прибыл и ждет, когда князь его примет.

Есть!

Через час вернулся посыльный и привел за собой десяток вооруженных алебардами дворян из Посольского прика-

за, возглавляемых посольским дьяком.

Господа казаки, кто среди вас Муса по прозвищу Гирей?
Я.

Тебе атаман и господину твоему царевичу Касиму, предписывается прибыть завтра утром, после молитвы, на княжеский приём. Одетым быть опрятно. Людей своих, всех не бери, только десятников. Оружие там сдадите, после приема назад заберёте. Готовься боярин!

Да я не боярин, а простой казак!

А теперь может и боярином станешь. Кто знает? – подмигнул дьяк Мусе – У нас и не такое бывало. Но и по-другому может быть.

Ты, брат не того пугаешь. Понятно все.

Не все тебе понятно казак, утром за вами приду. Будьте готовы.

Утром, чуть свет, сотника и его побратима разбудил неутомимый Ицхак. Муса оделся в традиционный черный казачий бешмет. Из оружия взял только саблю в отделанных серебром ножнах и кинжал-бебут с ножнами такого же рисунка. Черные мягкие сапоги были начищены до зеркального блеска. Черная же каракулевая папаха с красным верхом завершала его наряд.

Царевич переоделся в полосатый халат с золотым шитьем. На черно-белую тюбетейку накрутил красную чалму, а из оружия взял только свою боевую саблю в простых ко-

жанных ножнах. Его сафьяновые сапоги с загнутыми носами, расшитые золотой нитью и жемчугом, ясно указывали, из каких мест прибыл их владелец. Только в славном городе Самарканде, в Мавераннахре, шили такую красивую и удобную для всадника обувь. Подарки для князя Василия и его жены были завернуты в специальную ковровую ткань и навьючены на заводных лошадей.

Десятники были одеты в одинаковые темные бешметы, поскромнее, чем у сотника, и вооружены простым оружием. Казаком человека делает не одежда, а смелость и боевая выучка. На лошади все сидели прямо, с достоинством, левой рукой крепко держа повод. Правая рука упиралась в правое бедро. Знай наших!

Посольский дьяк не опоздал. Оглядел сначала десятников, а потом и Касима с сотником критическим взором, он не стал придирается к мелочам. Махнул рукой, и гости вместе с почетным эскортом двинулись к резиденции московского князя.

Москва располагалась на возвышенном мысу, образованном рекой Москвой и ее небольшим притоком – Неглинной. Основу Москвы составлял белокаменный Кремль, сооруженный в 1367 г. Дмитрием Донским и с тех пор порядком обветшавший. Только два-три города помимо Москвы могли похвастать своими каменными укреплениями (в их числе Нижний Новгород). Кремль был застроен соборами, великокняжеским дворцом и дворами аристократии, как духовной,

так и светской. Золотые головы соборов весело встречали утреннее солнце. Здесь же, в Кремле, была главная резиденция митрополита Киприана.

За Кремлем лежал посад, населенный ремесленниками и торговцами. Радиально исходившие из Москвы дороги соединяли город с важнейшими центрами Заречья (Замоскворечья). Дороги шли на юг: Ордынка – в Большую Орду, Серпуховка и Большая Якиманка – в Серпухов, на Колону и Калугу. Все здания большого города были построены из дерева и поэтому в Москве регулярно случались страшные пожары, уносившие не меньше жизней, чем регулярные набеги степняков.

Казацкое посольство не спеша, двигалось по улицам, мощеными порой не обрезной доской или бревнами, а дяк объяснял, чьи дома находятся за островерхими бревенчатыми заборами.

Вот здесь земля князей Патрикеевых, они старинного литовского рода, из Гедиминовичей. Василий, князь наш, их жалует, у него литовцев в родне много. Далее идут дворы бояр Добрынских. Эти по хлебному делу на Москве первые. На Сетуни у них несколько мельниц, всех конкурентов давно из города выгнали. Цены на хлеб они диктуют.

Вон там, видите, хорошие терема стоят? Это владения Бутурлиных, Мининых, Белеутовых, Валуевых, Воронцовых, Квашниных, Свибловых, Серкизовых, Старковых и других боярских семей. У всех пашни в Подмосковье, а дома здесь.

Каждый свой гуж тянет. Старковы, скажем, мясную торговлю к рукам прибрали – их не обойдешь. Каждая третья лавка на рынках им принадлежит. Ну и заодно кожевенное дело постепенно под себя подмяли. У Белеутовых лесные угодья самые большие, так они всю дичину, ягоды и грибы в город поставляют. Горшечников, портных, кузнецов – па-сут бояре Головины. Без их ведома ни один гвоздь не про-дается.

Да что ж это такое! Нигде простому человеку свободы не дают! – резко сказал Ицхак.

Спокойно, казак! Везде так заведено. У меня на родине то же самое. Так даже лучше. Простой человек знает к кому пойти со своей бедой. – откликнулся царевич Касим.

Эти бояре и есть его беда – буркнул Ицхак.

Тем временем дьяк продолжал знакомить их со стольным городом княжества.

Речные пути по Клязьме и Оке ведут к главной речной дороге – Волге, но дальнейшее продвижение караванов московских судов идет под контролем Нижнего Новгорода. По-этому князья наши, отцы их и деды, всегда хотели овладеть Нижегородским княжеством. Но пока видно не судьба. Нов-городцы, ушкуйники люди лихие! Им все равно кого гра-бить.

Как-то, не так и давно, пришла большая ватага в город Ко-строму. Город выжгли, мужиков убили, а баб и девиц сплаци-лили вниз по-матери-по-Волге и продали басурманам. А неда-

леко оказался с дружиной своей хан Ахмат, князь Василий с ним в побратимах. Попросил Василий побратима наказать подлых ушкуйников. Тот злых татей догнал, войско их разбил, а добычей с Василием же и поделился.

Казаки переглянулись. Разбил грабителей, а награбленное не вернул людям, а князю отдал. Такое не каждый день услышишь. Маленький отряд постепенно приближался к высокой кремлевской стене. Казаки восхищенно присвистнули, таких толстых и высоких стен им видеть не приходилось. Касим же совершенно равнодушно проехал через ворота, ему приходилось видеть и побольше. Но кое-что удивило и его.

На широких кремлевских стенах, в проемах между зубцами, стояли какие-то металлические цилиндры, водруженные на деревянные постаменты. Рядом с каждым из непонятных казакам, устройств топталось несколько человек, и лежали круглые каменные шары одного и того же размера.

Феофан? (Так звали посольского дьяка) это что же за трубы печные на стене установили? – спросил Муса.

Это наше новое оружие! Мощь необыкновенная! Называется «тюфяк», но дружинники её прозвали «пушкой». Потому что звук у неё такой: «Пуууушшшш!!!» Запускает вот эти каменные шары, а те осколками камня до двух десятков человек могут сразу убить.

А чем запускает? Рычага не видать!

Так зелье специальное есть. Его в пушку засыпают, сверху ядро кладут. Зажигают с другого конца, зелье взрывается,

толкает из трубы ядро. И «понеслась душа в рай»!

Да, хитры московиты, ничего не скажешь. Нам бы, в Каракалам, такие «тюфяки».

У них отдача сильная! Когда ядро летит вперед, пушка идет назад, почти так же сильно, как ядро летит вперед. Ты понял, сотник? В первое время калечило пушкарей. Потом привыкли и до стрельбы орудие стали закреплять, а во время стрельбы за пушкой не становиться, сразу дело по-другому пошло. У вас стены такие же мощные как эти?

Нет, гораздо тоньше.

Вот я и думаю, что вам такие тюфяки ставить нельзя. Стены от сотрясения разрушаться.

А я бы их на землю поставил, а ещё лучше на большую арбу. Покидали ядра и в крепость завезли. А потом, послушай Феофан, можно через стены на врага ядра кидать. Та же катапульта, только поменьше.

Ты тоже хитер, сотник. Подскажу нашим мастерам.

За первой крепостной стеной оказалась вторая. Расстояние между ними было небольшое. Если врагу удавалось проникнуть за первый рубеж обороны, то защитники крепости расположенные на второй стене продолжали поражать его воинов в промежутке между двумя стенами. Это пространство становилось ловушкой для нападающих. Причем, если от первой стены можно было отойти, отбежать на безопасное расстояние, то в этой «мышеловке» отойти было некуда. Весь расчет был на быстроту, натиск и неисчерпаемый запас

«живой силы».

Пространство за второй стеной оказалось застроенным соборами, монастырями и княжескими палатами. Дьяк Феофан времени не терял, показывал, все, что попадалось на пути.

– Вот смотрите, уважаемый царевич, и вы казаки – это Архангельская церковь, а это Благовещенский собор. Видите между ними построено специальное двухэтажное каменное здание с высокой четырехскатной крышей – это Казенный двор. Здесь княжеская казна храниться. Вон княгини нашей терема, там Золотая и Серебряная палаты. Софья Витовтовна лично за золотошвейками и ювелирных дел мастерами приглядывает. Левее Патриаршие палаты. А прямо – палаты князя Василия Дмитриевича. Туда мы и идем.

Так князь с княгиней не в одном доме живет? – наивно спросил Муса

Это ты со своей женой в одном доме живешь, а у князя дом – весь Кремль. Понял, казак?

Да понял, не дурак.

Да уж я заметил, что не дурак.

Касима местные красоты и чудеса архитектуры не волновали и не удивляли. Он в Мавераннахре видал и получше, но благоразумно помалкивал. Не хвастал. По-русски уже немного разумел. Иногда переспрашивал казаков, они охотно объясняли значения слов.

Ну, слава Богу, добрались. Казаки! Оружие снимайте и от-

давайте моим людям. Вы, уважаемый, Касим можете этого не делать, потому как почетный гость. Стойте здесь! Я пойду, доложу, что его величество царевич прибыли! Вернусь скоро.

На Красном Крыльце царила обычная суэта. Внизу толпились свободные от службы грядни, с любопытством разглядывающие приглашенных на княжеский прием иноземцев. От разноцветных халатов, кафтанов, мундиров и бешметов рябило в глазах. От золотого и серебряного шитья, начищенного оружия и сверкающих пуговиц кругом прыгали солнечные зайчики.

Над толпой плыли запахи ванили, корицы и кориандра. Арабы в легких белых одеждах громко говорили друг, с другом размахивая руками. Их переводчик, скорее всего армянин – успокаивал своих клиентов. Вероятно, прием был отложен, а это в их планы не входило. Несколько рыцарей-тамплиеров сдавали мечи своему сопровождающему и бросали вокруг тревожные взгляды. Без оружия чувствовали себя неловко. Казаки отвели коней в сторону и поставили одного из десятников их сторожить. Кремль, не Кремль, а береженного Бог бережет.

Итальянцы, вероятно купцы, этих можно было сразу отличить по своеобразной жестикуляции и разноцветному платью, тут же, у княжеского крыльца перебирали что-то в глубоком ларце. Не иначе, подарки князю и княгине.

Вдруг вся толпа всколыхнулась, заволновалась. Над го-

ловами пронеслись слова: «Митрополит! Владыка Киприан прибыл!» И тут же, откуда-то слева, к Крыльцу не спеша, подошел человек в черной свободной одежде и высокой черной митре. Его сопровождал почетный эскорт из нескольких монахов, похожих на воинов и десятка воинов в начищенных до зеркального блеска стальных кирасах и шлемах. Правые перчатки лежали на рукоятках легких мечей испанской работы, вложенных в изящные ножны. Надвинутые забрала и сверкающие сквозь них глаза придавали этой охране зловещий, и даже угрожающий вид. «Дружина митрополита – лучшие бойцы Руси!» – пронесся шепот над разноцветной толпой.

Подойдя к казачьему отряду, кавалькада митрополита остановилась, Киприан вышел, раздвинув своих охранников и, ни слова не говоря, уставился на царевича Касима. Ордынец, не мигая, выдержал взгляд первосвященника Руси и только слегка наклонил голову в знак приветствия. Тогда Киприан повернулся к Мусе Гирею. Он осмотрел сотника с ног до головы, удовлетворенно хмыкнул и сказал: «Молодец!».

Рад служить вам владыка, – сказал Муса и медленно поклонился

Митрополит продолжал смотреть в глаза сотнику. Муса видел перед собой усталого пожилого человека с серо-голубыми глазами. Довольно высокого роста, с широкими плечами пахаря и нежными руками царедворца. В глазах перво-

священника Муса не увидел злобы и гнева – только усталость и боль. Постояв так несколько минут, Киприан резко повернулся, поднялся по Крыльцу в палату и пропал в её темном чреве.

Вышел крепкий дружинник из княжеской охраны и громко сказал:

Али-бен Джемал-ал-ислам!

Арабы, стараясь придать своим лицам, степенность и важность, поднялись по ступенькам и вошли в палаты. Остальные терпеливо ждали своей очереди. Слуги разносили ожидающим хлебный квас и разнообразные морсы в деревянных и глиняных чарках. Итальянцы, попробовавшие квас впервые, одобрительно подняли вверх большие пальцы правой руки: «Vene³⁴!!!» Вышли довольные арабы. Позвали итальянцев. Потом тамплиеров. Беседа с рыцарями как видно была долгой, но, наконец, дошла очередь и до Касима.

Ордынский царевич, его величество Касим бин Суюргатмыш Марканди Чингизид и сопровождающие его казаки! – выкрикнул дьяк.

Касим гордо выпрямился и вошел в широкую комнату, в самом конце которой, на высоком золоченом кресле, которое уместнее было бы назвать тронem, сидел высокий чернобородый человек в трех богатых кафтанах, одетых один на другой, и в шапке с оторочкой из меха блестящего соболя. Человеку явно было жарко в этих одеждах, лоб его был мок-

---

³⁴ vene – хорошо (итал)

рым, а глаза выражали страдание. По бокам от него стояли два гридня с обнаженными саблями.

На скамейках справа и слева сидели бояре, в нарядах попроще и, поэтому от жары не страдающие. На отдельном кресле восседал уже знакомый Касиму, Киприан. Царевич вошел, так как предписывал придворный этикет его Родины – прижал руку к груди, наклонил голову и сказал:

Приветствую тебя, Великий князь Москвы, Рязани, Твери и прочих славных земель. Я, Касим бин Суюргатмыш Марканди Чингизид, прошусь под руку твою. Обещаю хранить тебе верность и преданность. Готов поклясться в этом на своём мече.

Подскочивший тут же толмач быстро перевел сказанное. Царевич встал на одно колено и махнул рукой Мусе Гирею. Нужно было вручать подарки. Князь Василий Дмитриевич мельком поглядел на них и дал команду унести.

Встань царевич, не пристало потомку Чингисхана стоять на колене перед равным себе потомком Рюрика – сказал он, поднимая Касима.

Теперь они оба стояли во весь рост и разглядывали друг друга. Князь Василий, ещё не старый, высокий, с коротко подстриженной черной бородой и царевич Касим, ниже его почти на голову, стоял, гордо выпрямившись, рассматривая князя своими карими азиатскими раскосыми глазами. Василий вернулся в кресло, и усевшись в него основательно, спросил Касима на тюрки:

Ты ел и пил из рук Тимура Гуркани, а потом взял и ушел без разрешения, пока грозный воин был в походе. Если он захочет вернуть тебя, готов ли ты к этому?

Теперь ты мой господин, я выполню все, что ты мне прикажешь.

Но ведь и Тимур был твоим господином, а ты ослушался его и бежал.

Я не присягал ему, он низкого рода и сам обязан присягать мне. Ни мой улус, ни я не имеем никаких обязательств перед Тимуром Барласом. Хочу, служу ему, хочу, нет. Я ему никогда не служил, он принуждал меня отдавать людям приказы, и они участвовали в его бесчеловечных войнах. Верь мне князь!

Этому Тимуру Аксаку только повод нужен, чтобы на Русь пойти! Все страны востока он уже завоевал. Это, правда, что если город ему не сдается и он, его все-таки захватывает, то в отместку, он приказывает из голов жителей этого непокорного города курганы складывать?

Правда, князь. Он очень жесток, врать не стану.

Да уж как тут соврать, когда почитай весь мир об этом говорит!

Это относится только к тем, кто ему не покоряется. Когда он осаждал город Багдад, то сначала послал к горожанам гонца и предупредил, что если его войскам окажут сопротивление, уничтожены будут все поголовно. Багдадские христиане убили посла и потом были абсолютно все вырезаны,

а мусульман он пощадил.

Сколько людей ты приведешь под наши знамена, хан Касим? (Василий впервые назвал Касима – *хан*. И тем, самым признал его равным себе, по ордынским обычаям.) Глаза Касима заблестели. Если разговор пошел о количестве воинов, значит, его предложение заинтересовало князя.

Мой улус небольшой, но если весть дойдет до каждого аскара³⁵, то придут четыре тумена³⁶ воинов со своими семьями и скотом.

Князь переглянулся с молчавшим до сих пор митрополитом. Бояре одобрительно заговорили между собой. Куликовская битва, нашествие Тохтамыша, многочисленные междоусобицы – все это сильно подорвало обороноспособность Руси. И сорокатысячная, хорошо обученная конница, на полном самообеспечении, была бы очень кстати. Но что скажет жестокий Тимур?

Ладно, хан. Ты видно долго думал, пока принял свое нелегкое решение. Дай и нам подумать. А пока приглашаю тебя вечером на пир! Будут только свои, не взыщи, но угощение будет такое, какого ты в Орде не едал. Да вот, что, бери с собой своего побратима. Не удивляйся. Все, что в дороге с вами происходило мне ведомо.

Буду рад, князь. А когда будет принято решение?

Вот молодежь, все торопиться. А торопиться не надо.

---

³⁵ аскар – воин (узб.)

³⁶ тумен – десять тысяч воинов

Нужно все взвесить, все предусмотреть. Ты что ли объяснил бы им это, отче! – кивнул князь в сторону митрополита – А теперь пойдёмте, други мои, дел ещё невпроворот ..... Да и кафтаны эти мне порядком уже надоели. Прощай, хан. До вечера.

Касим поклонился князю Василию, потом направо и налево боярам. Митрополит удостоился отдельного поклона и ответил на него легким кивком головы. Пятясь, Касим и его свита вышли из палаты. На улице Касим не выдержал и подскочил к Мусе.

Муса, меня князь другом назвал!

Это формальная встреча, Касим. Все, что было сказано – это протокол. Какое они решение примут пока неясно.

Как неясно? Им же нужны мои всадники!

Твоих всадников пока никто не видел. Представь себе ситуацию – ты дал команду своему улусу двинуться к тебе, а Тимур их не пустит! Может такое быть?

Может, но мой улус – это мои родичи. Найдут способ вырваться.

Какой ты ещё мальчишка. Они пойдут, а он из их голов курган сложит.....

Ты не понимаешь Муса. Если он так сделает, то нарушит весь уклад степных народов. Святой долг моих людей повиноваться мне!

Жизнь покажет.

В это время к ним подошел Феофан – дьяк Посольский.

Уважаемый хан Касим, князь предлагает тебе поселиться в его дворце на время переговоров. Если тебе удобнее жить с казаками в лагере, Василий Дмитриевич это поймет. Знает привычки степняков, и сам иногда любит в юрте переночевать. Но одеял меховых, сладостей восточных он тебе в лагерь передаст.

Спасибо, дьяк Феофан.

Теперь ты, казак. С тобой митрополит хочет встретиться, причем до вечернего пира. Только разговор будет не в Патриаршей палате, а у него в доме. Проводить?

Не надо, сам найду.

Ну, тогда удачи тебе сотник!

Благодарю!

Довольный разговором с князем, Касим, в сопровождении десятников, отправился в лагерь. А Муса на Тулпаре, двинулся в город.

10

Дей словесная, а не глагли деяния

(Делай сказанное, а не говори о сделанном.

Русская пословица. XIV в.)

Ему не пришлось долго искать. Это было недалеко от Кремля. Митрополит жил при Успенской церкви в своем епархиальном городе, на старинном дворе. Его построенный из обожженного красного кирпича терем по размерам не уступал княжескому. Монахи и монахини в черных и серых одеяниях, не поднимая глаз вверх, и не глядя друг на друга, занимались хозяйственными делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.